

Джеймс Маклеви

СКОЛЬЗКАЯ ЛЕСТНИЦА ЖИЗНИ

22 подлинные криминальные
истории из Эдинбурга
XIX века

The Edinburgh Courant

Джеймс Маклеви

Скользкая лестница жизни

<https://litres.ru/74639487>

SelfPub; 2026

Аннотация

****22 преступления. 22 расследования. И Эдинбург, каким его не показывают туристам.****

В тёмных переулках викторианского Эдинбурга орудуют дерзкие воры, хитроумные мошенники и обаятельные авантюристы. Но даже самый осторожный преступник способен выдать себя ничтожной мелочью — мелодией музыкальной шкатулки, горчичным пластырем или цветами на свадебном платье.

Джеймс Маклеви, один из первых профессиональных сыщиков Шотландии, приглашает читателя в опасный и удивительный мир преступного подполья XIX века.

В этой книге — 22 истории из его полицейской практики: невероятные уловки, неожиданные разоблачения, чёрный юмор и судьбы людей, оказавшихся по другую сторону закона.

«Скользкая лестница жизни» — настоящие криминальные истории, которые читаются как захватывающий детектив. Только всё это не было придумано писателем. Оригинальное произведение является предметом общественного достояния.

Джеймс Маклеви

Скользкая лестница жизни

ДЖЕЙМС МАКЛЕВИ СКОЛЬЗКАЯ

ЛЕСТНИЦА ЖИЗНИ ИЛИ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАБЛЮДЕНИЙ

ЗА ПАДЕНИЕМ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

В ЭДИНБУРГЕ
ДЖЕЙМС МАКЛЕВИ

(СОТРУДНИК СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ ЭДИНБУРГА)

АВТОР КНИГИ «КУРЬЁЗЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В
ЭДИНБУРГЕ»
ЭДИНБУРГ:

УИЛЬЯМ П. НИММО, 2, СЕНТ-ДЭВИД-СТРИТ.

ЛОНДОН: ХОУЛСТОН И РАЙТ.

1861

ЭДИНБУРГ:

НАПЕЧАТАНО ФИРМОЙ «БАЛЛАНТАЙН И КОМПА-
НИЯ»,

ПОЛС-УОРК.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Стремление, с которым разыскивали «Курьёзы преступлений в Эдинбурге», хотя отчасти и объясняется интере-

сом, вызванным рассказами о прежде малоизвестной стороне жизни, в ещё большей степени следует приписать важности некоторых вопросов, поднятых в ходе различных повествований. Нет сомнения, великий вопрос о том, в какой мере наказание способно исправлять людей, обсуждался достаточно часто, однако преимущественно с теоретических позиций, а не на основании практического опыта или с целью заменить наказание исправительными мерами; и мнения такого человека, как господин Маклеви, в этом отношении представляют большую ценность. После долгого испытания старого способа исправления, который, к несчастью, приходится и поныне называть действующим, и увидев, как другой способ был, по-видимому, применён с успехом, уменьшившим его труды, он нашёл в этом лишь подтверждение взгляда, сложившегося у него ещё до учреждения первых школ для бедных детей. Небольшой случай может показать, как он оценивает результаты, уже принесённые нововведением, которое, как он надеется, пока находится лишь в младенческом состоянии.

Некоторое время назад он стоял напротив полицейского управления на Хай-стрит, когда увидел, как по улице спускается оркестр юных воспитанников школы для бедных детей доктора Гатри, расположенной в Рамзи-Гарденс. Их было больше сорока, и они с большим воодушевлением исполняли «Джонни Куп», оглашая Хай-стрит пронзительными звуками флейт и дробью барабанов. Это зрелище могло тронуть

сердца даже тех, чьё человеколюбие не простирается дальше обычного желания, чтобы люди были гораздо менее порочны и, следовательно, гораздо счастливее. Мальчики были тепло одеты, выглядели сытыми и здоровыми, а их весёлые, если не гордые, лица словно отвечали их собственной музыке. В эту минуту один джентльмен обратился к нему с вопросом, что это за юный оркестр. «Видите ли, сэр, — последовал ответ, — это дети, которых дьявол передал мне, чтобы частыми задержаниями, осуждениями и наказаниями их ожесточили и тем подготовили к нежным милостям Его Чернейшего Величества». «Но доктор Гатри со своими новомодными представлениями о спасении и тела, и души вмешался и отнял у меня моих детей». «И, разумеется, вы этому рады?» «Да, сэр, рад, потому что я убеждён: останься они у меня, они либо прятались бы в мрачных притонах, порабощённые пороком и нищетой, либо сидели бы в тюрьмах и исправительных заведениях, тогда как у доктора Гатри вы сами видите, кем они стали». «Со временем эти ребята станут трудолюбивыми гражданами и, пожалуй, даже будут приумножать достояние тех, кого при иных обстоятельствах обокрали бы». «Что ж, — прибавил джентльмен, уходя, — неплохо было бы показать это зрелище кое-кому из высокопоставленных особ».

Читатель увидит, что настоящая книга, «Скользкая лестница жизни», служит подтверждением этих взглядов. Новый способ пока испытан лишь в весьма ограниченных пределах, однако уже достигнутые благотворные результаты позволя-

ют судить о том, чего можно было бы ожидать при его широком применении. Здесь не место обсуждать столь важный вопрос. Даже оставив без внимания все последствия этой общественной язвы, можно взглянуть на цифры, показывающие расходы на карательную систему, а затем попытаться подсчитать число тех, кого она исправила. Но и это, быть может, не заставит косный ум изменить практику тысячелетнего обычая; однако придёт время — и господин Маклеви, хотя он уже не молод, надеется его застать, — когда многие из этих бесчисленных тюрем и исправительных заведений превратятся в школы для бедных детей и ремесленные училища. Эдинбург может засвидетельствовать уже достигнутое благо, хотя пока это лишь первые проблески утренней зари, которые, надо надеяться, постепенно разгорятся и обернутся благодатным теплом полного полуденного света. Если бы достаточное число школ, подобных школе доктора Гатри и ремесленному училищу в Саут-Грейс-Клоуз, было открыто и в других частях Хай-стрит, Кэнонгейта и Каугейта, если бы ими руководили такие люди, как доктор Гатри и комитет ремесленного училища, а служили бы в них люди, чья энергия не ограничивается, как у большинства наших священнослужителей, кончиком языка, но доходит до плеч, спускается по рукам к ладоням и пальцам и проявляется в крепкой хватке, то обязанности господина Маклеви со временем сократились бы, а всё общество получило бы глубокую, широкую и прочную пользу.

РЕДАКТОР.

СОДЕРЖАНИЕ

Изобретательность воров

8

Померанцевые цветы

20

Шотландские колокольчики

34

Бакенбарды

47

Белый гроб

58

Морской капитан

68

Нож сапожника

78

Петух и труба

Последний шиллинг вдовы

102

Раздеватели детей

112

Любитель табака

121

Воровская свадьба

130

Увеселительная прогулка

140

Клубная газета

150

Недостача губит совершенство

160

Угольный бункер

173

Полукроны

188

Касса общества

203

Миниатюра

213

Не та лавка

225

Горчичный пластырь

235

Обезьянья куртка

248

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ ВОРОВ

ВВЕДЕНИЕ

Было бы не слишком обнадёживающим признаком дальнейшего торжества доброго начала над злым, если бы прислужники дьявола могли показать нам множество примеров того, как они одержали над нами верх и сумели окончательно соскользнуть со шкалы. С тех пор как вышел мой первый том, мне не раз ставили в упрёк случаи, когда мы потерпе-

ли неудачу. Я не отрицаю, что такие случаи есть, и приведу один или два, о которых мне есть что сказать. Между тем меня утешает возможность указать на тот факт, что начиная с 1849 года отчёты Главного тюремного управления свидетельствуют о постепенном и неуклонном сокращении числа заключённых в наших тюрьмах, хотя я вовсе не утверждаю, будто сам внёс большой вклад в этот отрадный результат. Я охотно признаю, что мы причастны к нему лишь в малой степени, и причина достаточно ясна. Старый бунтовщик имел перед нами преимущество. До самого недавнего времени мы действовали против него по примеру тех хозяев и хозяек, которые, внутренне посмеиваясь, подкладывают монеты на пути подозреваемых слуг, чтобы поймать их, — нечто в духе Твелвтриза, с той лишь разницей, что они не желают своим неосторожным жертвам «умереть на месте»; напротив, поймав их, они всего только выгоняют их, чтобы те грабили и воровали где-нибудь ещё. Да, вместо того чтобы нашим человеколюбцам встретить заклятого врага в самом начале, когда он занят юными сердцами, улавливает первое биение доброты и превращает его в пульсацию зла, нам приходилось ждать, пока юный грешник созреет и станет пригоден для нашей формы наказания, в которой люди лишь ожесточаются. Не было там доктора Гатри — человека, как я подозреваю, куда более хитроумного, чем враг, и способного поставить ему мат, уничтожив язву ещё в самом зародыше; к тому же нам мешали наши правители-законники, которые прежде и

теперь не перестают твердить, что мы должны зорко высматривать то, что на их юридическом жаргоне называется «явным действием», под чем, как мне объяснили, подразумевается, что мы обязаны ждать, пока негодяи не сумеют совершить что-нибудь достаточно ловкое, чтобы показать нам, что они достигли сознательного возраста и сделались достойными предметами наказания.

Обладая таким преимуществом перед нами, враг, неудивительно, порой нас перехитряет; скорее уж удивительно, что нам удаётся добиваться успеха так часто, как это бывает, и я думаю, для наших человеколюбцев, трудящихся среди рядов оборванцев, может послужить большим утешением моё признание, которое я уже делал прежде, что я вовсе не придаю врагу такого значения, как многие другие. Своей ужасающей репутацией он обязан нашей собственной беспечности. Мы впускаем его в лагерь с копытами и рогами, а потом жалуемся, что не можем ни выгнать, ни вытащить его оттуда, хотя в нашей власти, стоило бы только ею воспользоваться, вовсе не пускать его внутрь. При моём инстинктивном взгляде на вещи в нынешние времена усовершенствованной военной тактики мне представляется чем-то вроде глупости рассчитывать на прочность хвоста дикого кабана, чтобы вытащить его из норы, когда мы с такой лёгкостью можем загородить её вход.

Если взглянуть на преступность, даже в её уменьшившихся размерах, существует ещё одно соображение, которое ча-

сто заставляло меня широко раскрывать глаза. Нам вечно говорят, что в человеческом сердце действительно имеется немного доброй почвы — (я не согласен с теми, кто думает, будто люди наследуют зло, как иногда наследуют шесть пальцев на ногах), — и что, хотя у дьявола всегда полон амбар плевел, у нас в изобилии имеется доброе семя из Иерусалима. Я хотел бы только спросить, как мы распорядились этим добрым семенем? Не держали ли мы его под мерой, подобно тому как держим светильник под мерой? На своём участке я вижу уйму плевел; тогда мне вкладывают в руки серп, и я срезаю их, совсем как садовники, которые обрезают старые ветви, чтобы те пустили новые побеги ещё сильнее, — и поглядите на эти искривлённые деревца, какими жёсткими и негнушными они становятся!

Но подозреваю, что здесь я уже выхожу за пределы своего участка. Я начал с того, что мне ставили в упрёк случаи, когда благодаря изобретательности воров мы оказывались побеждены. Во всяком случае, это не мои случаи. Я могу привести один или два, относящихся к одной из самых удачливых представительниц прекрасного пола, когда-либо появлявшихся в Эдинбурге, а именно к хорошо известной Джин Брэш. Я знал её очень хорошо, но, как ни странно это покажется, её милость всегда умудрялась ускользнуть из моих рук; не то чтобы она всегда выходила невредимой из рук других, точно так же как её жертвы не выходили без потерь из её собственных, но своим проворством она обыкновенно

достигала того жалкого успеха, какого достаточно, чтобы послужить основой романтической истории. В молодости она могла похвастаться некоторыми прелестями, но ещё больше могла похвастаться умением соединять эти прелести со своей способностью извлекать чужое добро; да, она обладала тремя удивительными дарованиями, а именно умением очаровывать своих простаков, удерживать их, когда ей угодно, и избавляться от них, завладев их средствами. Последним из этих дарований она гордилась больше, чем остальными, а если вдобавок ей удавалось насладиться торжеством над проныцательным констеблем, её гордость достигала вершины — странно устроенное создание, или исчадие ада, ибо если она соблазняла и грабила по инстинкту, то укрепляла и оправдывала врождённую склонность своеобразной дьявольской логикой, согласно которой, погубив свою бессмертную душу ради мужчины, она имела право не только получать от него обычную плату за грех, но и брать у него в возмещение всё, до чего могли добраться её ловкие пальцы. Однажды, когда она, насколько я помню, жила в Солт-Бакете и когда я временами поглядывал на неё со служебной любовью, на которую она отвечала косым взглядом совсем иного рода, нежели тот, которым пользовалась для своих уловок, она вышла после наступления темноты испытать своё искусство на сердцах, золотых часах или небольших банковских бумажках. Несомненно, ни в этот раз, ни в какой-либо другой она не подражала древним сиренам, о которых я где-то читал. Она не за-

манивала жертв в свои сети пением, то есть её искусство не выставлялось напоказ, как не выставляет себя напоказ кошка, мурлыкающая у мышиной норы. Её сила могла оставаться в запасе и всё же действовать, так что мужчина, вместо того чтобы быть обманутым простаком, мог льстить себе мыслью, будто сам является обманщиком и ищет её прелестей под видом робкой скромности. Так, вероятно, и думал счастливый господин К——, коммивояжёр из Бирмингема, торговавший металлическими изделиями, но сам отнюдь не бывший бирмингемской подделкой с фальшивым блеском, а человеком настоящей пробы, если судить по достоинству денег, которые он носил при себе. В своей застенчивости Джин кажется настоящей драгоценностью, и он намерен завладеть этим сокровищем, однако вовсе не как «некоммерческий путешественник», ибо он может и желает заплатить, и, несомненно, столь скромное на вид создание сулит ему превосходную сделку. Заметьте, вот небольшое утешение для нас, когда мы бродим повсюду, разыскивая порочных людей, чтобы поймать их и наказаниями сделать добродетельными. Мы иногда видим, как порочные люди рыщут во мраке ночи в поисках других порочных людей, чтобы обманом вовлечь их в ещё больший порок, и при этом сами непременно оказываются обмануты и разорены, тогда как пытаются извлечь прибыль в виде удовольствия из нужды несчастного создания. Так было всегда: сладострастие впадает в истерику перед скромностью (скромностью Джин Брэш!), и как же нам

сожалеть о нём, когда мы видим, что его душит надутый пузырь собственного желания? И затем, посмотрите, разве не немного странно видеть, как порок столь ревностно охраняет добродетель, что сам превращается в сыщика?

Итак, Джин попалась коммивояжёру, насколько невольно — читатель, вероятно, и сам вполне может догадаться, и не только попалась, но и была приведена им словно с триумфом в Солт-Бакет, где жила одна из тех «порядочных женщин», которые жалеют заблудших влюблённых; вероятно, скажи Джин, что дом принадлежит ей, он усомнился бы в скромности, которая могла бы обнаружить свою ложность дома, среди друзей. Затем, поскольку, как говорят, у любви быстрые крылья, когда впереди виднеется тенистая роща — не всегда из душистого мирта, а нередко из обыкновенных сосен, когда вокруг храма растёт множество крапивы и чертополоха, — они вскоре оказались под покровительством этой почтенной жрицы. Сколько времени прошло, прежде чем сердце этого влюблённого, лишь ненадолго отлучившееся от его торговых интересов, вернулось к ним настолько, что он осознал, что у него похитили банкноту Английского банка достоинством в сто фунтов, я сказать не могу, ибо в этом деле не участвовал; но несомненно то, что вскоре по этому довольно тихому уголку города разнёсся ужасный крик о том, что его избавили от заботы носить при себе бумажку такой стоимости.

Во всём этом я не сомневаюсь, потому что прекрасно

знал: Джин была женщиной, способной доставить такое избавление от заботы столь же легко, как перенести эту заботу на саму себя; и никто из знавших её не усомнился бы, что она сумеет сделать новую заботу весьма лёгкой. Даже ту более романтическую часть истории, которая «украшает» память об этой замечательной женщине, я не имею достаточных оснований отрицать: как коммивояжёр бросился вниз по лестнице и во весь голос, какой только мог издать англичанин, принялся звать констебля; как констебль явился, пока коммивояжёр сторожил у двери; как они поспешили наверх, чтобы схватить её, когда обнаружат деньги; как нашли Джин в совершенно спокойном состоянии сознаваемой невиновности; как она заклинала констебля обыскать дом и её саму и убедиться, что несчастный мужчина ошибается; как для этого она спокойно вручила ему зажжённую свечу в медном подсвечнике, надёжно закреплённую там бумажным кольцом, чтобы она не шаталась, как шатаются плохо укреплённые свечи; как констебль искал пропавшую банкноту при свете этой свечи, закреплённой у основания бумажным свёртком, а Джин всё это время бормотала себе под нос: «Дурак взялся не за тот конец»; как поиски не увенчались успехом и как коммивояжёр потерял всякую надежду, если только не заподозрил, что потерял банкноту где-нибудь ещё, и потому решил избежать ужасной огласки, связанной с привлечением женщины к суду; и как наконец Джин спокойно оставили пребывать в состоянии невиновности. Читатель

может догадаться, что в удобное для себя время Джин сняла бумажку с конца свечи, тем самым избавив «Управляющего и Компанию Английского банка» от временного унижения и тихонько посмеиваясь над успехом собственной изобретательности.

Теперь я признаюсь, что мне никогда не очень нравилось слушать этот романтический эпизод из жизни Джин, и по той простой причине, что не мне довелось держать свечу.

В другой раз — хотя я обязан сказать, что слышал, будто заслугу в этом приключении приписывают одной молодой несчастной по имени Кэтрин Браун, жившей на Ричмонд-стрит, — наша Джин занималась своим обычным ремеслом на Принсес-стрит. Ночь была достаточно темна, а час достаточно поздний, чтобы внушить искателям приключений уверенность, позволявшую немного пофлиртовать с застенчивой девицей без опасения быть замеченными любопытными знакомыми. Всегда найдётся немало таких робких и резвых рыбок, которым нравится совать носы в опасные петли сети, вовсе не намереваясь попадать в невод, где их почти наверняка поймали бы. Профессиональные бродяжки вроде нашей героини отлично знают таких любителей, ненавидят их от всего сердца и иной раз заставляют их платить, и вполне заслуженно, золотыми гинеями за серебряные слова. Не могу сказать, чтобы я очень им сочувствовал, когда они попадают в беду и обращаются к нам за помощью, желая вернуть деньги в свои карманы, которые сами добровольно

подставили под любопытные пальцы. Ведь если эти пальцы достаточно нежны, чтобы их ласкали и целовали безвозмездно, то мужчинам не очень пристало жаловаться, что те же пальцы в свою очередь приласкали немного золота или бумаги, считавшихся недоступными для них. Конечно, мы исполняем свой долг, но всегда в таких случаях чувствуем, что жертвы своего долга не исполнили и возложили на нас труд исправления последствий своей глупости, если не порочности. Подобные плавучие зажигательные суда дают достаточно света, чтобы эти весёлые яхтсмены могли держаться от них на подобающем расстоянии. (Если бы я и сам был способен на столь причудливые сравнения, мне не пришлось бы заимствовать слова одного из наших начитанных лейтенантов.) Эти молодые люди кружат вокруг прогорклого свечного огонька нечистоты, который одновременно позволяет им видеть отражённую в собственном самомнении свою неуязвимость перед опасностью и сообщает немного жара их воображению. Довольно изысканные слова для меня, но смысл их я понимаю.

С одной из таких разукрашенных ночных бабочек и повстречалась наша прославленная героиня; и, вероятно, рассудив, что если он не считает её нежную руку неприкосновенной для своих пожатий, то и она не обязана считать его карман запретным для любопытных поисков её пальцев, она бесцеремонно воспользовалась его содержимым. Во всяком случае, молодой человек так подумал, ибо тотчас закричал

проходившему мимо полицейскому с фонарём, что его обокрали. Констебль, знавший Джин, — да кто же её не знал? — немедленно схватил её, а поскольку прохожих, которые могли бы осложнить дело, поблизости не было, деньги, разумеется, должны были отыскаться тотчас же. Речь шла ни много ни мало о пятифунтовой банкноте, по крайней мере так утверждал молодой человек; но Джин, никогда не терявшая хладнокровия, просто отвергла обвинение.

Констеблю не потребовалось много времени, чтобы обыскать её настолько, насколько он мог, причём молодой человек помогал ему в этом. Её карманы вывернули, но, кроме флакончика с духами, белого носового платка и нескольких коричневых залоговых квитанций, там ничего не нашли. Свет фонаря нигде на мостовой не обнаружил ничего похожего на драгоценный клочок бумаги, и рядом не было сочувствующего, которому она могла бы его передать.

— Должно быть, вы заблуждаетесь, — сказал полицейский.

— Невозможно! — вскричал юноша. — В женском платье столько же складок, сколько извилин и лжи в женском уме. Ведите её в участок.

На всё это Джин ответила своим обычным смехом, выражавшим совершенное самообладание, если не наглость. И она ничуть не противилась тому, чтобы идти, — скорее напротив. Она знала, что делала.

— Пойдёмте, — сказала она, — и посмотрим, кто прав,

а кто виноват.

И они отправились. Вскоре одна из служительниц полицейского управления, занимавшихся обысками женщин, осмотрела Джин. Никакой пятифунтовой банкноты при ней не нашли; и хотя молодой человек без конца неистовствовал, уверяя, что кража совершенно несомненна, полицейский, а равно и дежурный лейтенант, пришли к убеждению, что тут произошла ошибка, — заключение, которое грозная Джин подкрепила невозмутимым заявлением, по всей вероятности ложным, будто незадолго до этого видела молодого джентльмена в обществе других женщин, столь же мало щепетильных. Оставалось только одно — отпустить Джин.

— А кто заплатит мне за всё потерянное время? — сказала она, обратив к лейтенанту лицо, выражавшее притворную серьёзность, так резко отличавшуюся от растерянного, встревоженного лица юноши. — За это время я могла бы честным путём заработать пять фунтов, так что настоящая потерпевшая — я; и кто же, спрашиваю ещё раз, мне заплатит?

Вопрос, на который она столь же мало рассчитывала получить ответ, сколь мало ожидала возмещения своих утраченных честных заработков. И с высоко поднятой головой, если не с видом оскорблённой невинности, она вышла из управления. И всё же молодого человека ничто не могло убедить, что его не обокрали; и он тоже, увидев, что надежды больше нет, ушёл с убеждением, что он — невинный человек, кото-

рому нанесли тяжкую обиду.

Дело заглохло, оставив лишь впечатление какой-то необъяснимой ошибки или неуловимого воровства, хотя, вероятно, подозрение всё-таки падало на женщину, о которой было известно, что её гений в этой особой разновидности искусства позволял ей извлекать выгоду из тайны, сквозь которую ничего не мог разглядеть даже самый опытный служебный глаз.

Прошёл день или два. О молодом человеке больше ничего не было слышно; он, несомненно, уже примирился с потерей пяти фунтов, а констебль, который примерно в тот же час снова обходил свой участок, больше и не думал об этой загадке, если только само место не вызывало у него мимолётное удивления, каким образом бумажка могла исчезнуть за столь короткое время. К нему подбежала какая-то женщина. Это была Джин, и она вся была в волнении. Схватив полицейского за левую руку, она остановила его —

— Что ещё? — спросил констебль, хорошо знавший, что сейчас последует нечто, в чём Джин наверняка найдёт для себя пользу. — Опять какая-нибудь твоя проделка?

— Нет, приятель, у меня для тебя тайна.

— Какая?

— Ах, вы такие любители доносить, что с вами едва ли можно говорить. Хотел бы ты получить пятифунтовую банкноту того молодого щёголя? Ему не по средствам терять такие деньги, а моя совесть неспокойна.

— Ага! — воскликнул констебль. — Совесть Джин Брэш!

— Да, приятель, даже совесть Джин Брэш, — ответила она с некоторым величием. — Может быть, странная вещь, но всё же вещь. Да, приятель, я сказала бы тебе, где находится пятифунтовая банкнота, если бы ты уберёг меня от когтей этого пройдохи.

— Что ж, уберегу, — ответил он, прибегая к служебной хитрости. — Скажи, где банкнота, и я сделаю для тебя всё, что смогу.

— Ах, я знаю, что ты этого не сделаешь, и потому не могу доверить тебе признание, которое ты употребишь против меня; но предположим, что я подала бы знак, а? Ведь кивок, знаешь ли, ничуть не хуже, чем...

— Ладно, ладно, кивни мне, чтобы указать путь к банкноте.

— И ты ничего не скажешь? Ну, а кто твой портной? — воскликнула она, смеясь.

— Какое отношение это имеет к банкноте? — возразил полицейский.

— Такое, что может тебя удивить, — сказала она, по-прежнему держа его за руку и шаря возле обшлага его мундира. — Он делает тебе глубокий обшлаг. Очень удобный, вроде маленького кармашка.

— Вздор. Отстань. Ты дурачишь меня.

— Не совсем, — ответила она, снова смеясь и глубоко засовывая свои проворные пальцы, так похожие на орудия фо-

кусника, в обшлаг, — не совсем. Предположим, ты найдёшь здесь банкноту после того, как я уйду; скажешь ли ты только, что нашёл её здесь, и ни слова обо мне?

— Быть может, и скажу.

— Тогда обыщи свой обшлаг, — воскликнула она, отводя его руку в сторону, — и найдёшь её.

И, убегая, она бросила через плечо слова:

— Только непременно поступи честно и отдай её тому щеголю.

Констебль несколько растерялся, но не преминул приняться за обыск обшлага, из которого Джин, делая вид, будто она положила пять фунтов в этоместилище, на самом деле извлекла добычу — ту самую банкноту, которую спрятала туда в минуту своего задержания в ночь кражи и которую он целых два дня носил при себе, совершенно не подозревая о драгоценном вложении.

Полицейский мог сколько угодно ругаться, когда в гневе обшаривал обшлаг и ничего не находил, но разгадать обман не мог, и я не думаю, чтобы он когда-либо узнал, какую штуку с ним проделали, ибо всё выяснилось много позже, когда Джин уже была в безопасности и в одном из приступов хвастовства рассказала, как провела власти.

Это не случаи из моего собственного опыта, и я не могу поручиться за их достоверность; но, как я уже сказал, я охотно оказался бы тем человеком, который держал свечу, укреплённую в гнезде столь ценной бумажкой; и должен приба-

вить, что мне также хотелось бы оказаться тем, кто носил мундир с глубоким обшлагом.

Довольно о подобных рассказах, ходящих среди нас. Но я имел достаточно собственного опыта общения с Джин, чтобы утверждать, что она была самым «прирождённым воров» моего времени. До такой степени сама её натура была воровской, что я сомневаюсь, оказало ли бы на неё заметное действие обучение в школе для бедных детей. Дом, который она занимала на Джеймс-сквер, был настоящим «меновым банком», надлежащим образом оборудованным для дела. В углу дверной филёнки каждой спальни имелось маленькое отверстие, аккуратно закрытое деревянной пробкой, чтобы оно оставалось незаметным. Затем нижние филёнки были сделаны раздвижными, так что, подсмотрев через отверстие, когда погаснет свет, она могла через открывшуюся филёнку бесшумно вползти на четвереньках и взять часы с прикроватного столика или обшарить карманы одежды несчастного постояльца. Порою ей доставалась крупная добыча: однажды она «обработала» кого-то на четыреста фунтов; но в конце концов её саму «обработали» из-за ничтожной суммы в семь шиллингов шесть пенсов. Я слышал, что она до сих пор жива в Австралии и замужем, быть может, гоняет, словно пастушка из Аркадии, «овечек по пригоркам».

ПОМЕРАНЦЕВЫЕ ЦВЕТЫ

С каким бы усердием я ни исполнял свои обязанности,

я никогда не думал, что совершаю то добро, которого ожидает от нас начальство, останавливая тех, кто скользит по скользкой шкале преступного падения. Они лишь начинают всё снова, а когда окончательно соскальзывают с неё, на их место приходят другие, чтобы пройти тот же путь. Если я и приписывал себе заслугу в уменьшении их числа, то подозреваю, что доктор Гатри сделал для этого больше меня. Иногда меня мучили угрызения совести от сознания, что я был суров со многими людьми, которых едва ли можно было считать ответственными за свои поступки. Без сомнения, я часто бывал незванным гостем на весёлых сборищах и пирушках, но в мою защиту можно сказать, что весельчаки эти развлекались за чужой счёт. Что ж, «вы срывали свадьбы, на которых одна из сторон была невиновна». Верно, но невиновную сторону привлекал блеск краденого золота, и почему жених, принимающий краденое, должен избежать убытка в большей степени, чем ростовщик, принимающий краденые вещи в залог? Нарядная воровка с крадеными померанцевыми цветами может казаться прекрасным зрелищем влюблённому простаку, но для меня она остаётся всего лишь воровкой, и если я обязан вырвать её из его объятий, то нахожу некоторое удовлетворение в том, что передаю её в объятия правосудия, которое прижмёт её к себе гораздо крепче.

В 1842 году наше управление было завалено жалобами на проникновения в дома с помощью поддельных ключей. За шесть недель таких случаев произошло не менее шестнадца-

ти, и ни малейшего следа обнаружить не удалось.

— Послушайте, Маклеви, — сказал мне однажды лейтенант, — мы потеряем всякое уважение. Абердин станет над нами насмехаться, а Берик будет показывать на нас пальцем. Что же делать?

— Есть тут одна трудность, — ответил я. — Во-первых, я убеждён, что вор всего один; во-вторых, место, куда сбывается добыча, тоже одно; в-третьих, я всего лишь один человек; и, в-четвёртых, я не ангел. И всё же, несмотря на это, у меня есть надежда.

— На чём она основана?

— На вот этом маленьком образчике, — ответил я, показав ему лоскуток набивной ткани, величиной не больше двух монет по кроне.

— Почему вы возлагаете столько надежд на такую тряпицу?

— Я получил его, — ответил я, — от миссис ———, хозяйки дома на Ричмонд-стрит, последнего из ограбленных, а миссис Тик, старьёвщица с Каугейта, полагает, что сумеет подобрать к нему подходящую ткань.

— Это кое-что обещает.

— Кажется, я уже определил и пол преступника, — сказал я, намереваясь пошутить.

— Мужчина или женщина?

— Женщина, — ответил я.

— О, значит, нечто сугубо женское, — сказал он. — На-

деюсь, речь не о предмете, имеющем отношение к зелени?

— Нет, о том, что предшествует этому и бывает прежде. Не можете догадаться?

— Нет... да... постойте... померанцевые цветы?

— Именно, померанцевые цветы, — сказал я. — Воровка собирается замуж. Приданым она обзавелась в том самом доме на Ричмонд-стрит, а под конец прихватила и свадебное украшение невесты.

Наша беседа закончилась смехом, поскольку, в сущности, мы едва ли говорили всерьёз, и я отправился к миссис Тик, прекрасной представительнице своего ремесла, которая скорее отдала бы весь свой товар, стоивший сотни фунтов, чем положила бы себе в карман хоть пенни за краденые вещи. По дороге я продолжал прежние размышления об этой удивительной череде ограблений. Как я уже сказал, у меня почти не было сомнений в том, что все они совершены одной рукой; но, принимая во внимание короткий промежуток времени, трудность отслеживания и ограбления хотя бы одного дома, многочисленные возможности быть замеченным, препятствия в виде замков, случайности, столь частые при сдаче вещей в залог или их продаже, множество расспросов и исследований, уже предпринятых людьми проникательными, я не мог не восхищаться ловкостью, какой прежде не встречал за всю свою службу. А если моя причудливая догадка относительно пола была верна, то каким удивительным созданием должна была быть эта женщина!

— Во всяком случае, она меня достойна, — сказал я себе; а поскольку мы, люди необразованные, любим каламбуры, то прибавил исключительно для собственных ушей: — Я поймаю её, хоть через толстое, хоть через тонкое.

Но не сердитесь на моё остроумие; оно лучше, чем вы думаете, ибо разве вы не помните человека по фамилии Тин, над дверью которого висят три шара?

И, не оставшись равнодушным к впечатлению от этой одинокой попытки блеснуть умом вне моей обычной сферы, я вошёл в лавку старьевщицы.

— Ну, миссис Тик, — сказал я, — удалось ли вам подобрать ткань к моему образчику?

— Право же, думаю, удалось, — ответила добрая женщина, хотя знала, что по всей вероятности дорого поплатится за свою честность. — Вот платье, — и, взяв образчик из моих рук, она продолжала: — Видите, оно самое; да, точь-в-точь та же ткань. Где же вы на всём белом свете раздобыли этот лоскуток? Видно, связываться с вами не к добру, вы страшный человек; но, знаете ли, я всё-таки никак не могу поверить, что это платье было краденым.

— Я и не говорил, что оно краденое, миссис Тик.

— Да, но когда фермер бежит за лисой, перепрыгнувшей через ворота, это верный знак, что куры уже передохли.

— И я не говорил, что оно не краденое, — ответил я, ибо у меня были причины соблюдать осторожность.

— Что ж, если говорить по совести, мистер Маклеви, я и

вправду не думаю, что оно краденое.

— А почему?

— Да просто потому, что принесла мне его такая трудолюбивая особа, как Лиззи Горман.

— Та самая хорошенькая разносчица, как её называют молодые парни? — спросил я.

— Она самая.

— Отчего же вы так верите Элизабет?

— Да потому, что знаю её много лет; никто не может взглянуть на её хорошенькое, такое простое и милое лицо и не убедиться, что она честная девушка. К тому же она так давно ходит по Эдинбургу со своим товаром, что, будь она нечестной, её давно бы разоблачили.

— Что ж, она и в самом деле выглядит честной девушкой, — сказал я. — Много ли других вещей, помимо платья, вы от неё получили?

— Целую кучу, — ответила она. — А знаете что, мистер Маклеви?

— Если бы я знал, что именно, то, пожалуй, мог бы и ответить, — сказал я, поддерживая доброе расположение моей собеседницы.

— Сегодня у Элизабет свадьба, — прошептала она мне на ухо.

— Померанцевые цветы! — пробормотал я.

— Да, померанцевые цветы, — повторила миссис Тик; — Лиззи уже и до них добралась.

Я вовсе не хотел, чтобы миссис Тик слышала моё бормотание, но её ответ убедил меня, что пробормотал я не даром.

— А кто же этот счастливец? — спросил я, хотя за веточку померанцевых цветов я не дал бы и гроша в сравнении с другим молодчиком.

— Всего-навсего сапожник, — ответила она; — зато у Элизабет есть деньги и полный дом добра, всё добыто собственным трудом, и она говорит, что поможет ему открыть своё дело.

— Что ж, дело представляется многообещающим, — сказал я и, немного подумав, добавил: — Если только свинья ему не помешает.

— О, теперь для свиньи уже слишком поздно; вы ведь не шотландец и, может быть, не знаете старого стишка:

Долго ухаживать, а после венчаться —

Вот верный способ неудачи дожидаться;

Сперва пожениться, потом ухаживать —

Вот как надёжнее свинью не подпускать.

Да, эта скотина редко является в самый день свадьбы, чтобы раскидать ленты и померанцевые цветы.

— Не уверен, — рассеянно сказал я. — Но оставим в сто-

роне свадьбу этой чрезвычайно трудолюбивой девушки: у меня есть к вам просьба. Не могли бы вы сберечь это платье и все прочие вещи, которые принесла вам Элизабет?

— Сберегу, — ответила она; — только Господь знает, как мне собрать их все вместе. Их на целую телегу наберётся, но я нисколько не опасаясь, что они добыты нечестно.

— Надеюсь, что так, — сказал я, покидая лавку с намерением вернуться в управление за перечнем имущества, похищенного из шестнадцати домов, а затем, пожалуй, навестаться и к хорошенькой невесте.

Продолжая путь, я стал собирать воедино обрывки своих прежних сведений об этой хорошенькой разносчице. Её довольно хорошо знали благодаря нескольким особенностям. У неё было цыганское лицо, со свойственной этому народу сдержанностью, смешанной с простодушием, которого он редко выказывает, а в одежде её, почти квакерски простой, проявлялось всё то щегольство, какое чрезвычайная заботливость и превосходный вкус способны придать самым незатейливым вещам. Она резко отличалась от толпы городских торговок, стоя гораздо выше их корзин и тюков с товаром. Мы видим их каждый день. Одни скрываются под горой блестящих жестяных изделий; другие окружены целым лесом плетёных вещей в виде корзин и сумочек; третьи радуются куче чёрных жестяных совков; многие посвящают себя кухням, где показывают служанкам белые чепцы из корзины, аккуратно прикрытой белым полотенцем; торговцы яблоками

и апельсинами встречаются повсюду, а торговки копчёной сельдью, вероятно, занимают самую нижнюю ступень этой иерархии. Презирая всё это, Элизабет редко бывала обременена чем-либо большим, чем аккуратный свёрток в бумаге. Часто у неё не было даже его, и, более того, я нередко слышал замечания, что никто не знает, чем именно она торгует. И всё же поразительно было, с какой готовностью её впускали в дома с довольно высокими дверями, а попав внутрь, она без труда продавала тайный товар, вероятно извлечённый из-под платья, и, несомненно, по выгодной для себя цене — благодаря обаянию жалобного простодушия, которому помогал всегда наготове рассказ о трогательной сироте. Немного поразмыслив над всем этим, я вскоре пришёл к заключению, что только такая мастерица, основательно знакомая с внутренним устройством столь многих домов благодаря дерзкому глазу и чуткому уху, могла совершить все шестнадцать проникновений за шесть недель. И не было бы преувеличением утверждать, что померанцевые цветы попали сюда не случайно, если она заранее знала о них в доме, где готовилась свадьба, и получила эти сведения во время одного из прежних посещений.

Теперь моя хорошенькая разносчица всерьёз меня заинтересовала. Её движение по шкале теперь шло вверх. Редко случается, чтобы воры скользили вверх, к чертогу Гименя; и даже если бы у меня не было иной побудительной причины, кроме желания увидеть молодую женщину, способ-

ную творить подобные чудеса, я прошёл бы двадцать миль, чтобы взглянуть на неё в свадебном наряде, с померанцевыми цветами и всем остальным. Вскоре я закончил свой список; по правде сказать, я уже несколько торопился. Апатия, в которой упрекал меня лейтенант, сменилась воодушевлением. Странная извращённость человеческого сердца! Я почувствовал ревность к сапожнику. Он был недостоин такого совершенства. Невеста должна была достаться мне во что бы то ни стало, даже если бы мне пришлось уступить мою красавицу более высоким притязаниям министра колоний.

Получив свой список, я снова направился на Каугейт и, проходя мимо лестницы, ведущей к жилью жениха, увидел первые признаки толпы, которая должна была почтить это сочетание сына Криспина и дочери, несомненно, той знаменитой богини, что получила от Вулкана отмычки за поцелуи. Толпой я займусь позже и, возможно, доставлю ей куда больше удовольствия, чем диковинное зрелище, поглазеть на которое она собралась. Пока же мне нужна была миссис Тик, и, снова застав её на прежнем месте, я как можно быстрее просмотрел вместе с ней длинный список и окончательно убедился, что её оценка в целую телегу была не так уж далека от истины.

— Теперь я полагаюсь на ваше честное слово, — сказал я ей. — Вы должны позаботиться о том, чтобы сохранить все эти вещи ещё час или около того, ибо с сожалением вынужден сообщить, что мне придётся забрать их у вас.

— Да возможно ли это! — воскликнула она, несомненно имея в виду виновность своей трудолюбивой протее, а затем, смягчившись до подобия улыбки, продолжала: — Уж не собираетесь ли вы, в самом деле, уподобиться тому животному, о котором мы говорили? Невеста уже одета, жених поднялся, священника ждут с минуты на минуту, а толпа стоит у дверей. Бедная Лиззи, бедная Лиззи, могла ли я когда-нибудь такое о тебе подумать!

— Что ж, признаюсь, я во всяком случае намерен побывать на свадьбе, — сказал я. — Они не проявили любезности пригласить меня, но мне нередко приходится не замечать обид, нанесённых друзьями.

И, оставив мою честную старьёвщицу на самой вершине её изумления — если не с воздетыми руками и раскрытым ртом, — я направился к дому торжества, на которое, как и на все подобные торжества, ложится тень того тихого приличия, если не торжественности, какую чёрный сюртук и белый галстук умеют набрасывать на трепещущие сердца и окрылённые надежды. Толпа к тому времени увеличилась, и среди прочих там находился мой помощник, поджидавший меня, хотя с виду он был занят только усмирением шумного сборища. Преобладали ирландские парни и девушки; они выкрикивали свои возгласы, среди которых крики «Сапожник и разносчица, ура!» едва ли могли показаться наверху почестью. Говоря об ирландских парнях и девушках, я включаю сюда и шестидесятилетних людей, суровых и сморщен-

ных во всём, кроме сердца, которое всегда остаётся таким же молодым и свежим, как у мальчишки. И кто же не испытывает интереса к вечнозелённому дереву супружества, хотя его красные ягоды нередко полны горечи и смерти? Молодые смотрят на него в будущее, а старые — назад, одни со смехом, другие со вздохом, но интерес всегда один и тот же. Более того, я не уверен, что даже во вздохе не таится немного надежды вплоть до последней песчинки, когда уже всякое иное «удовольствие перестало радовать». Простите меня: мне нечасто приходится проповедовать о браке, кроме браков между законом и пороком, где ярмо неприятно, а между тем, быть может, менее неприятно, чем во многих союзах, начинающихся с любви с одной стороны и привязанности с другой. Но вот я снова сыщик.

— Констебли готовы? — шепнул я помощнику.

— Да, они у подножия лестницы за мучной лавкой, на другой стороне.

— Тогда оставайся на месте и поглядывай на окно.

— Не полетят ли оттуда полупенсовики? — со смехом спросил он.

— Боюсь только, как бы мне не уменьшить их счастье, — ответил я, не желая уступать ирландцу в остроумии по случаю свадьбы, как бы плохо оно мне ни давалось.

И, пробираясь сквозь шумную толпу, которая теперь кричала: «Маклеви!», «Он собирается увести невесту!», «Сапожник украл его лакированные сапоги!», «Невеста будет

спать в полицейской камере!» и тому подобное, я поднялся по лестнице, пока не достиг зала, где должна была состояться свадьба. Хотя меня не приглашали, при входе я, как говорится, не стал церемониться, но открыл дверь и встал среди самых почётных гостей. Пожалуй, столь таинственный гость не появлялся ни на одной свадьбе со времён знаменитого посетителя в Джедборо, где танцевал король; однако мне было не до выражений изумления. Само зрелище представляло достаточный интерес для всякого. Моё внимание было прежде всего обращено на голову невесты, где должны были находиться померанцевые цветы, и там они действительно красовались, как и следовало, в обрамлении зелёного мирта. Я был настолько занят этим, что не могу сказать, будто именно тогда рассмотрел платье Элизабет — превосходный шёлк цвета лаванды с глянцевой поверхностью, украшенный столькими бантами, что их хватило бы связать шёлковыми узами всех влюблённых в комнате; кружевные воротник и рукава, какой именно работы, мне неизвестно; серые башмачки, ожерелье и браслеты; белые лайковые перчатки, под которыми, несомненно, скрывалось немало колец. Всё это я заметил скорее впоследствии, тогда как мой практический взгляд, пока собравшиеся пребывали в полном молчании, обегал комнату, где, если мне не изменяла память о моём списке, я увидел настоящую груду всевозможных вещей, собранных из шестнадцати вскрытых домов, в которые столь трудолюбиво проникала хорошенькая невеста.

Мой осмотр занял всего несколько быстрых взглядов, после чего я снова обратился к присутствующим. Изумление достигло высшей точки, и всё же, как ни странно, единственной, кто стоял неподвижно, не обнаруживая никакого внутреннего волнения, кроме опущенных глаз, затенённых длинными ресницами, была Элизабет Горман. Я нисколько не сомневался, что она понимала цель моего посещения, и не удивлялся тому, что существо с такими крепкими нервами, способное на совершённое ею, стояло передо мной среди всех своих друзей и в присутствии будущего мужа неподвижно, словно глыба белого мрамора, — без малейшей прибавки к бледности, без дрожания губ, без безумных взглядов, вызванных страхом.

— А вы кто такой? — воскликнул наконец будущий сапожник; — вас не приглашали.

— Нет, я позволил себе явиться без приглашения, — ответил я, окидывая взглядом молодого сапожника, одетого с безукоризненным совершенством, от блестящего галстука до сияющих сапог, столь опрятного и нарядного, что вкус Элизабет наверняка участвовал в его приготовлениях. И он не был совершенно лишён права на подобную роскошь, если судить по числу домов, с которых была собрана дань для приданого, предназначавшегося ему и с помощью которого он собирался стать хозяином собственного дела.

Тут поднялся настоящий вавилонский гвалт голосов: «Не имеет права!», «Маклеви не имеет права здесь находиться!»,

«Выгоните его!». На всё это я обращал мало внимания: меня больше заинтересовало движение Элизабет, чья правая рука, казалось, шарила у кармана. Карман в свадебном платье! — да, именно так. Элизабет Горман была невестой особого рода: даже в её свадебном наряде имелся карман, и лежало в нём нечто большее, чем батистовый носовой платок.

— Я помогу вам достать платочек, Элизабет, — сказал я.

И, опустив руку в это священное хранилище, вытащил два поддельных ключа.

Этими двумя ключами она отперла (я забегаю вперёд) все шестнадцать домов. Я произвёл это движение таким образом, что, полагаю, никто, кроме самой Элизабет, не мог узнать, что именно я извлёк; она же, казалось, заботилась об этом открытии не больше, чем до тех пор заботилась о любой части происходившей церемонии.

— А ещё померанцевые цветы, — сказал я, — и на них я тоже положил глаз, — прибавил я, когда, надеюсь, очень осторожно снял венок и, несмотря на неизбежное смятие столь выразительного символа блаженства, положил его к себе в карман.

Теперь шум стал всеобщим, а Криспин, решив, что задета его честь, пустился в высокопарные речи. Он даже принял боевую стойку и начал размахивать кулаками со всей отвагой джентльмена, призванного защищать оскорблённую невинность. Ни Доузабель, ни Дульсинея, ни какая-либо другая героиня романа никогда не имели столь грозного защитника;

однако мне вовсе не хотелось принимать вызов сапожника. Я удовольствовался тем, что протиснулся между несколькими гостями к окну, постучал два или три раза и затем занял место рядом с Элизабет. Дверь отворилась, и вошёл мой помощник.

— Я намерен предъявить права на эту молодую женщину как на свою невесту, — сказал я, внутренне посмеиваясь. — Её имуществом распоряжусь я, а пока все вы покиньте комнату. Очистите помещение, офицер, — добавил я, когда гости стали медлить и роптать.

Разумеется, мой помощник, желая побыстрее освободить комнату, выпроводил их, причём последним замешкался сапожник, взгляд которого, обращённый к Элизабет, заключал в себе столько того, что называют чувством, что мог бы тронуть даже её, однако она встретила этот призыв с тем же холодным равнодушием, какое выказывала на протяжении всей странной сцены. Я не утверждаю, что она ничего не чувствовала. Едва ли возможно предположить, чтобы молодая женщина, наряженная к свадьбе и оказавшаяся в руках полиции, с изгнанием впереди и позором позади, оставалась невозмутимой; однако душевный склад таких созданий столь своеобразен, что они не подают никаких естественных знаков, и мы совершенно не способны их понять. Мы не можем сомневаться, что в их душе что-то происходит, глубоко и далеко за пределами даже наших догадок; но что именно — никогда не было известно и никогда известно не будет, ибо

у них самих нет ни слов, ни знаков, которыми они могли бы это выразить. Когда мы таким образом остались одни, можно было ожидать, что она подаст мне какой-нибудь знак, что она человек, но нет: она стояла во всём своём великолепном наряде, невозмутимая и недвижная, её цыганское лицо было спокойно, если не безмятежно, взгляд твёрд, и она не произносила ни единого слова. — А теперь, Элизабет, — сказал я, — смею думать, что вам известна причина этого вторжения: вас обвиняют в проникновении не менее чем в шестнадцать жилых домов и похищении из них многочисленных ценностей, и я должен вас арестовать.

— Очень хорошо.

— Есть ли у вас ещё ключи, кроме тех, которые я нашёл?

— Больше нет.

— И только ими вы пользовались?

— Это вы можете выяснить сами; я ни в чём не признаюсь.

— Тогда приготовьтесь идти со мной; возьмите шаль и шляпку.

И, не выказывая больше никаких признаков того, что её хоть сколько-нибудь затронуло раскаяние или стыд, она спокойно принялась надевать эти предметы одежды.

— Я готова.

«Уж слишком всё серьёзно», — подумал я, посмотрев на стоявший сбоку столик и увидев вино и пирог. Мне захотелось придать происходящему более весёлый вид.

Разве когда-нибудь невесту уводили, не предложив ей

прощального бокала, хотя бы стакана её собственного вина?

Однако нет, ничего не получилось. Элизабет не желала ни принимать, ни предлагать, и потому мне тоже пришлось обойтись без своего стакана.

— Оставайтесь в доме, — сказал я помощнику, — пока я не вернусь. Я поставлю констеблей у подножия лестницы.

И, взяв Элизабет под руку, я вышел среди такого шума, от которого всколыхнулся весь Каугейт; да и немудрено, ибо подобной сцены там, быть может, никогда прежде не видели и уж, конечно, не видели с тех пор. Когда мы проходили мимо, миссис Тик всплеснула руками; не меньше удивлялись и прочие соседи, считавшие Элизабет образцом трудолюбия и строгого поведения.

Доставив мою невесту куда следовало, я распорядился вывезти из дома краденое имущество. Оттуда вынесли всё, кроме стола, стульев и остова кровати, и даже нескольких страниц не хватило бы, чтобы перечислить плоды трудолюбия этой молодой женщины. Но возвращение вещей от миссис Тик оказалось совсем иным делом. Я не спал до четырёх часов утра, извлекая и опознавая многочисленные предметы самого разного рода, хранившиеся у неё в помещении.

Впоследствии моя невеста предстала перед Высоким судом; и здесь мне будет позволено заметить кое-что о кажущейся бесчувственности людей её склада. Мне часто приходилось замечать, что эти немые, непроницаемые жертвы в конце концов скорее готовы уступить, чем ваши многоречи-

вые защитники собственной невинности. Я принимаю эту особенность за доказательство того, что они истекают кровью внутри, и что, пока мы сердимся на них за то, что называем противоестественностью, они расплачиваются за всё иным способом. Эта необыкновенная девушка, после всего своего молчания и кажущегося равнодушия, признала себя виновной в десяти отдельных случаях проникновения в дома, причём все они были совершены с помощью тех двух ключей, которые я достал из её кармана на месте предполагавшейся свадьбы. Наказанием ей стала четырнадцать лет ссылки в колонию, и она выслушала приговор без вздоха и без слезы.

Едва ли нужно прибавлять, что это была единственная воровка, которую мне довелось разоблачить с помощью помешанных цветов.

ШОТЛАНДСКИЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

По-видимому, существуют две причины, побуждающие некоторых наших эдинбургских господ, уезжая за город, запирать дома и вывешивать в окне объявление с указаниями относительно ключей. Первая состоит в том, что они сберегают жалованье женщине, которая присматривала бы за домом; вторая — в том, что они могут сообщить менее счастливым соседям о своей возможности отправиться за город и насладиться отдыхом. Несомненно, они полагаются на бдительность полицейского, забывая, что у этого человека всего

два глаза и две ноги, а слишком часто ещё и небольшая доля мозгов, которые он употребляет на безмолвные размышления — своего рода «ночные думы», далеко не всегда посвящённые взломщикам и ворам. Мне доводилось слышать, как некоторые из последних потешались над этими заманчивыми запертыми особняками. «Билл, в окне висит объявление насчёт ключей, только оно слишком далеко, чтобы его прочесть, да к тому же, сам знаешь, мы ведь читать не умеем». «Нет, так что воспользуемся собственным ключом; тут уж ничего не поделаешь».

Не думаю, чтобы мистер Джексон с Коутс-Кресент руководствовался подобными соображениями, когда в июне 1843 года запер свой дом на время недолгого отсутствия, дней на пять или шесть; но совершенно достоверно, что, вернувшись, он нашёл снаружи всё в точности таким, каким оставил: жалюзи опущены, ставни закрыты, двери заперты. Всё в порядке, подумал он, вставляя ключ и отворяя дверь; однако уверенность эта продержалась не более нескольких минут, ибо он обнаружил, что верхние пальто, висевшие в передней, исчезли. Теперь уже встревоженный, он поспешил обойти дом и всюду обнаруживал, что почти каждый замок шкафа, секретера или ящика либо открыт отмычкой, либо выворочен вместе с деревом, причём щепки расколотого красного дерева валялись на коврах. Всё в порядке! Да, снаружи. Будь он достаточно хладнокровен, ему мог бы вспомниться сыр доброго человека весом в три стоуна, поставленный на пол-

ку к крестинам и при снятии оттуда оказавшийся (снаружи всё было в порядке) весящим ровно столько, сколько весила одна корка, поскольку внутренностью полакомились мастера, ступавшие едва ли более бесшумно; однако и это сравнение не было бы вполне верным, ибо здешние воры оказались господами на редкость разборчивыми — даже утончёнными: вместо того чтобы унести самые дорогие предметы мебели, они удовольствовались лишь изящными украшениями, золотом и драгоценными камнями, которые было легко вынести и легко сбыть. Увидев свою изящную запиравшуюся мебель в таком разорённом состоянии, мистер Джексон не имел терпения выяснять размеры хищений, прежде чем явиться в Полицейское управление и сообщить, в каком виде он нашёл дом.

Когда я увидел его, он был разгневан не столько тем, что, как могло выясниться, было украдено, сколько бессмысленным разрушением; однако истина заключалась в том, как я ему и сказал, что ничего не было сломано без надобности. Воры должны были красть, а для этого им нужно было добраться до того, что они намеревались украсть. Немногие понимают настоящего домушника. Почти во всех случаях глина формуется ещё в младенчестве, смачивается соком краденых леденцов или фруктов, и сверканье разгневанных глаз лишь способствует её затвердеванию. Мы вечно забываем, что облик вора — облик естественный, ибо разве можно отрицать, что все мы рождаемся ворами? По крайней мере, я

знаю, что сам родился таким, и подозреваю, что вы были ничуть не лучше. Если теперь вы не вор, так лишь потому, что добрые наставники согнули и вырвали вас из этого дьявольского образа; и сколько трудов потребовалось, чтобы придать вам другой, так что честность в лучшем случае составляет вашу вторую натуру. Словом, вор — существо более естественное, чем вы, хотя вы и считаете его чудовищем. И нет ничего удивительного в том, что он достиг совершенства, ибо ваши законы и обычаи лишь непосредственно помогали развиваться характеру, полученному им от общей праматери, а вероятно, в особенности и от собственной матери. Поэтому всякое препятствие на его пути представляется ему чем-то таким, что должно уступить, просто потому, что ему там не место; ибо как вы докажете ему, что парламентский акт имеет больше власти, чем инстинкт, с которым он родился? Конечно, он не станет с вами спорить. Если вы скажете, что вправе всё запирасть, он не станет говорить, что вправе всё отпирать, но сделает именно это, и не только без угрызений совести, а с тем же ощущением собственного права, с каким тигр набрасывается на нарушителя границ своих джунглей и разрывает его на куски.

Отправившись на Коутс-Кресент, я установил, что воры проникли в дом, открыв наружную входную дверь ключами или отмычками, а всё остальное не представляло трудности. Внутри картина в точности соответствовала описанию мистера Джексона — не было замка на письменном шкафу или

ящике, который не оказался бы сорван. Были обысканы все тайники, предназначенные для хранения ценностей; и вскоре стало ясно, что эти артисты потрудились весьма усердно, если даже и не слишком долго. Перечислить добычу было бы мне нелегко: дорогие золотые кольца, серьги с драгоценными камнями, броши из превосходного материала и тонкой работы, ценные серебряные украшения, серебряная посуда и предметы иностранной ювелирной работы. Завершили они всё вещами, необходимыми им для собственного употребления, — верхними пальто, башмаками и чулками; а в довершение захватили столько бутылок превосходного вина, сколько хватило бы для весёлой пирушки по возвращении домой. Я ещё не упомянул маленькую музыкальную шкатулку, поскольку, приберегая её, как теперь, напоследок, хочу придать ей некоторое значение и заставить её сыграть мелодию.

Я скоро понял, что мне досталось трудное дело, и сказал об этом мистеру Джексону. Воры принадлежали к обычному, хорошо известному разряду. У меня не было никаких личных примет, на которые можно было положиться, а похищенные предметы по самой своей природе так легко было переплавить или передать другим, что разыскать их представлялось нелёгким делом. Больше всего надежд я возлагал на одежду, ибо, как я уже замечал, все воры, черпающие свои права у природы, питают соответствующее честолюбивое желание выглядеть джентльменами. Здесь есть

нечто любопытное. Люди, добивающиеся положения честным трудом, редко думают о том, чтобы расхаживать напояказ в нарядных платьях. Общественные чувства вытравили в них дикаря. Наши променады и бальные залы украшает именно прирождённый джентльмен, презирающий труд. Всё потому, что они получили диплом от природы; вот и воры, поступающие по природному побуждению, являются прямо к ним и притязают на равенство. Во всяком случае, я никогда не знал настоящего вора, который не считал бы себя джентльменом, а что до того, чтобы заставить его отказаться от щегольского пальто, снятого с крючка, то он скорее позволил бы себя повесить. Эта особенность не раз служила мне подсказкой.

Таким образом, я питал некоторые надежды насчёт пальто, но, получая описание их и остальных вещей, почувствовал известное любопытство к особенностям музыкальной шкатулки.

— Вещица небольшая, — сказал мистер Джексон, — около шести дюймов длиной и трёх шириной.

— Слишком уж похожа на другие подобные вещи, — сказал я и, поддавшись минутной прихоти, добавил: — А какие мелодии она играет?

— Право, мне трудно сказать, — ответил он, — потому что это скорее принадлежность дам. Но, кажется, я припоминаю, что среди них есть «Шотландские колокольчики».

— Быть может, — сказал я, продолжая шутить, — благо-

даря этому я получу ответ на вопрос: «Где, скажите, где живёт мой горский милый?»

Мистер Джексон улыбнулся даже среди разорения собственного дома.

— Боюсь, — сказал он, — что, если у вас не окажется иной зацепки, кроме мелодии, вы не вернёте мне моего имущества.

— Я совершал и большее с помощью меньшего, чем мелодия, — сказал я не вполне серьёзно, но и не отказываясь от надежды, чего я никогда не делал ни в одном деле, пока сама надежда не отказывалась от меня.

Итак, составив опись и пообещав этому господину, что, независимо от шутки со шкатулкой, сделаю всё возможное, чтобы захватить грабителей и вернуть имущество, я оставил его. Я чувствовал, что за это дело нельзя браться легкомысленно, или, вернее сказать, полагал, что моя репутация в известной мере поставлена на карту, поскольку джентльмен, по-видимому, доверял моему имени. Во всех подобных расследованиях есть определённая доля рутины. Мне надлежало обойти всех скупщиков, «больших дядюшек» (крупные ломбарды) и «полудядюшек» (маленькие ломбарды), что я и проделал с той извилистой настойчивостью, которая столь необходима для успеха нашего ремесла. В этих местах не обнаружилось никаких следов, а что до возможности встретить одного из моих природных джентльменов в великолепном синем пальто из бобрового сукна, то подобной фигуры

мне не подалось. Я не только не сумел узнать, где живёт мой горский милый, но даже не знал своего возлюбленного. Не больше преуспел я и среди любителей колец, ибо несколько не сомневался, что драгоценности попали в среду щёголей. Не могу сказать, сколько очень нежных ручек я, шутя, брал в свои руки, чтобы узнать, не украшены ли они моими сердоликами или бирюзой; но доверие этих особ ещё не успело созреть, и мне оставалось ждать силы, которая несколько не жалеет сыщиков, как не жалеет и влюблённых.

И я действительно ждал, хотя и не настолько долго, чтобы успела изгладиться из памяти мелодия «Шотландских колокольчиков», как бы ни заглушали её хриплые вопли и разногласия преступления и нищеты. Однажды вечером я совершал свой обычный дозорный обход, всё тем же старым, осторожным и извилистым способом, который принёс мне больше успехов, чем внезапные порывы рвения. Я свернул в Блэкфрайерс-Уинд и шёл, пока не оказался возле заведения мистера Генри Девлина, державшего в этом квартале трактир, который, без всякого упрёка хозяину, посещали те джентльмены, столь многим обязанные природе. Прошу вас, не считайте меня рассказчиком чудес. Я утверждаю это совершенно обдуманно и не боюсь ваших подозрений, когда говорю, что как раз в тот миг, когда я подошёл к открытой двери трактира, откуда можно было заглянуть в маленькую комнату при буфетной, моё внимание привлёк тихий и нежный звук. Я приблизил голову к краю открытой двери

и прислушался. Это был звук музыкальной шкатулки. Мелодия доносилась так слабо и неотчётливо, что я задержал дыхание, словно этим мог придать слуху большую чуткость. «Она! Она!» — пробормотал я. Да, это были «Шотландские колокольчики». Волшебный инструмент замолк; и настолько я был очарован этими несколькими секундами, что ещё несколько минут после прекращения чар стоял неподвижно, словно статуя.

Зная, чего вы здесь ожидаете, я позволю себе сделать остановку и заметить, что, хотя я совершенно не пригоден для рассуждения о столь щекотливых предметах, мне не раз доводилось думать, по моему простодушному разумению, что в девяти случаях из десяти в том, каким путём Провидение приводит к раскрытию преступления, заключено нечто таинственное. Проследите историю почти любого сыщика, какого пожелаете, и вы встретите подобие столь ничтожного следа, что можете счесть его либо естественной, либо таинственной вещью — смотря по вашему характеру и точке зрения. Как философ, несколько закалённый против сверхъестественного, вы можете обращаться с моей доверчивостью как вам угодно. Я не жалею, лишь бы вы признали за мной право на эту слабость, имея вместе с тем в виду, что в мире постоянно действуют силы, которые изрядно выставляют наш разум в дурацком виде. Принимайте это как хотите и, не уходя дальше музыкальной шкатулки, объясните мне, отчего в ту ночь я должен был спуститься по Блэкфрайерс-Уинд

и очутиться у двери Генри Девлина как раз в то самое время, когда этот маленький механизм наигрывал «Шотландские колокольчики». Можете продолжать свои размышления, пока я рассказываю, как, оправившись от удивления, вошёл в дом. Я не остановился у стойки, где находилась миссис Девлин, а прошёл прямо в комнату, которую видел от дверей, и там, среди пустых кружек, нашёл маленький инструмент, столь меня очаровавший, уже немой и беззвучный, словно сознававший, что исполнил возложенную на него обязанность и предоставил исход дела той Силе, которая блюдёт судьбы неблагодарного существа — человека.

Взяв в руки этого вестника, который в тот же миг снова стал для меня мёртвым предметом,

— Как он сюда попал? — спросил я хозяйку, которая, по-видимому, следила за моими движениями.

— Право, не знаю, мистер Маклеви, — ответила она, — разве что его оставили те двое парней, что тут выпивали и вышли незадолго до вашего прихода. Разве вы их не встретили?

— Нет.

— Значит, они, должно быть, пошли к Каугейту, когда вы шли по Хай-стрит.

Я на мгновение задумался, заметив одно несоответствие.

— Но они не могли забыть вещь, которая издавала звуки в ту самую минуту, когда они уходили?

— А вот и могли, — возразила женщина. — Эта штука

всё время играла, пока они пили, и продолжала играть, когда они расплачивались, а звук её потонул в шуме расчёта, так что они просто забыли о ней, как и я сама. Она играет две или три мелодии, — добавила она, — и среди прочих «Шотландские колокольчики», песенку, которую я всегда любила, ведь вы знаете, я шотландка.

— И я тоже люблю её, — ответил я, — хоть и ирландец; но знаете ли вы этих парней?

— Ну... и знаю, и не знаю. Один из них бывал здесь раньше, и, если бы вы назвали его имя, думаю, я могла бы сказать, то ли оно.

— Шилдс, — сказал я.

— Именно это имя, — сказала она, — и если бы я знала, где он живёт, то послала бы ему шкатулку.

— Я избавлю вас от этих хлопот, миссис Девлин, — сказал я, кладя её в карман.

— Никогда не считала вас вором, мистер Маклеви, — полушутливо заметила она. — Я всегда думала, что вы ловите воров.

— Именно для того, чтобы поймать вора, я и беру эту шкатулку, — сказал я. — Вы сможете опознать этих людей, если я приведу их сюда?

— Прекрасно смогу.

С тем я покинул трактир. У меня появился след, и я знал, где искать моих людей; сверх того, у меня были веские подозрения не только относительно того, чьё имя я назвал, но

и относительно его товарища. Я тотчас послал за двумя констеблями и, получив их в своё распоряжение, а также дождавшись помощника, отправился в Бродис-Клоуз на Каугейте. Дойдя до подножия лестницы, я поставил там констеблей и поднялся до двери, хорошо знакомой мне по прежним случаям. Я тихонько постучал своим обычным стуком — сигналом настолько неизменным, что, как мне иногда доводилось слышать, его называли «предупреждением Маклеви». Называли ли его так и теперь, не могу сказать, но на него достаточно быстро отозвалась не кто иная, как сама знаменитая Лаки Шилдс. При виде меня она отшатнулась, но лишь на мгновение, а затем попыталась задержать меня — обычный признак того, что мне непременно следует войти. Не говоря ни слова, я оттеснил её и, пройдя вперёд, сразу оказался посреди одной из тех сцен, о которых мирные, обычные люди света имеют не больше представления, чем о происходящем в расплавленных недрах земли, на поверхности которой они срывают розы. Большая комната, где в прежние времена знатные господа пили бордо под звуки «Льюи Гордона»; вдоль стен множество кроватей — одна или две наскоро сколочены из сосновых обрубков, другая — с чёрными резными ножками, некогда поддерживавшими прекрасных дам, давно сошедших в могилу, рядом ещё одна, которая могла предъявить не больше притязаний на обветшалое величие, чем соломенный тюфяк да конская попона. Возле неё — рваное кресло с охапкой сена, завёрнутой в старую

салфетку, чтобы послужить постелью, если появится лишний постоялец. Несколько стульев — непарных, поломанных и расшатанных; посреди всего этого — белый стол, заставленный стаканами и кружками, полными отзвуков попоек и сверкающими в табачной дымке при ярком газовом освещении.

Мои уши были ошеломлены больше, чем глаза, ибо сама комната с её странной обстановкой была мне достаточно знакома, но минуту или две я с трудом различал живые предметы. За сосновым столом сидел мой герой с музыкальной шкатулкой, Патрик Шилдс; рядом с ним Генри Прегер — столь верный сообщник Шилдса, что я не мог сомневаться в его участии в деле на Коутс-Кресент; а вместе с ними Дэниел О'Хара, джентльмен с особенным направлением мысли, побуждавшим его считать часы в чужом кармане вещью, находящейся не на своём месте. Двое первых всё ещё были разгорячены виски миссис Девлин, а О'Хара, по-видимому, выступал большим мастером свежеприготовленного напитка — виски-пунша, которым угощал молодых женщин. Я не хочу в своей размашистой манере писать яркими красками там, где живописность достигается лишь ценой нарушения приличий, да и вам не нужны картины порока. И какая, впрочем, польза описывать подобных женщин? Всё их разнообразие — лишь сочетание черт, столь же одинаковых, как черты чувственности. Да, эти молодые женщины, хорошо мне знакомые, — Агнес Маршалл, Джесси Рональд, Эли-

забет Ливингстон, Ханна Мартин, Джулия Шилдс — были всего лишь представительницами тысяч себе подобных с теми же отличительными признаками: одна — скромная с виду, но хитрая ловительница сердец и кошельков; другая — прекрасный и пригожий живой храм, в котором водружён Дагон порока; третья не бывала трезва, кроме как в полицейской камере, и не умолкала, кроме как во сне, да и то едва ли, ибо мне случалось слышать крики её неистового духа, носившегося в пьяных сновидениях; ещё одна — лучшая укрывательница краденого во всём городе, из которой и сто лет тюремного заключения не вырвали бы даже поддельного бирмингемского кольца стоимостью в стакан виски. Если я навязываю вам столь подробную картину, то лишь потому, что вы как часть общества заслуживаете знать, что порождают ваши законы и обычаи.

После моего появления прошло некоторое время, прежде чем прекратилось смешение голосов. Их дух был так подстёгнут действием спиртного, что остановить этот бег оказалось невозможно; и даже когда шум утих, произошло это лишь после бормотания проклятий. Между тем одного взгляда хватило мне, чтобы понять: я попал в самое сердце притона, где сбывались прекрасные драгоценности мистера Джексона. Кольца на пальцах и серьги сверкали при газовом свете, а дорогие пальто последней моды придавали Шилдсу и Прегеру вид джентльменов, заглянувших сюда с Принсес-стрит полюбоваться увешанными драгоценностями кра-

савицами. У меня всегда был собственный способ обращаться с подобным обществом. Я вынул свою музыкальную шкатулку и, дёрнув за шнурок, заставил её играть. Мне приходилось слышать о музыке, двигавшей камни, — моя двигала кирпичи. Шилдс и Прегер дико уставились на меня; женщины же, ничего не понимавшие в значении музыки Маклеви, сначала разразились визгливым хохотом, а потом, вскочив, принялись в безумии своего опьянения плясать, словно фурии, стараясь, насколько могли, попадать в такт мелодии инструмента. Я мог объяснить эту нечувствительность к опасности лишь тем предположением, что они прежде не видели шкатулки и не понимали последствий, которые мог повлечь мой приход.

Когда шум улёгся, я прежде всего обратился к своему человеку.

— Патрик, — сказал я, — я пришёл вернуть вам вашу шкатулку.

— Она не моя, — ответил молодой человек, — я не имею к ней никакого отношения.

— А вот моя так точно, — воскликнула неосторожная мать, которая всё это время глядела сквозь дым, словно тигрица. — Говорящая штука так точно моя, разве не получила моя собственная Джулия её от настоящего джентльмена, чтобы научиться петь, и разве всё, что принадлежит ей, не принадлежит мне?

Не могу сказать, сколько ещё пришлось бы мне выслушать

этого ирландского воя, если бы сын не бросил на неё взгляд, заставивший её осознать свою неосторожность.

— А ведь это вовсе не моя шкатулка, негодяй, — закричала она, стараясь отступить от своей ошибки, — ведь моя-то была из слоновой кости и играла настоящие ирландские песни, разве нет? Поди сюда, Джулия; это твоя шкатулка?

— Нет, — сказала Джулия.

— А твоя ведь была из настоящей слоновой кости?

— Да, — ответила девушка.

— Ну вот, разве я тебе не говорила, проклятый ворюга, что это не моя шкатулка? Убирайся отсюда и больше никогда не показывай свою мерзкую рожу среди порядочных людей.

Обычная болтовня, сопровождающая все подобные встречи. Я кивнул помощнику, и через несколько минут констебли стояли у меня за спиной.

— Что ж, — сказал я, обращаясь к мужчинам, — вы можете отнести верхние пальто в управление на собственных спинах; а что касается вас, дамы, то на вас имеются кое-какие украшения для пальцев и ушей, которые мне придётся забрать, опасаясь, как бы вы их не потеряли.

Эти несколько простых слов в одно мгновение прекратили суматоху. Мне не раз удавалось добиться того же спокойным применением власти. Буйство порока, за которым не стоит уверенности в себе, обращается вспять и давит на сердце, не находя выхода в надлежащем направлении; это русло давно высохло и зарубцевалось.

— Общайте их, — сказал я.

Эту процедуру, когда дело касается женщин, мы обыкновенно предоставляем женщинам-обыскательницам, но здесь мне пришлось прибегнуть к ней в поверхностном виде, чтобы уберечь ценности, которые так легко спрятать или отбросить, причём процедура эта требует быстроты, вплоть до мгновенного действия; ибо в подобных обстоятельствах женская хитрость обнаруживает тонкость, превосходящую всякое вероятие. Волосы, впадины щёк, место под языком, уши, ноздри, даже желудок часто служат местами небольших, но ценных предметов. Нам четверым удалось одновременно броситься на этих созданий, причём каждый схватил свою добычу. Внезапность нападения застала их врасплох, и за несколько минут мы собрали в сверкающую грудку почти все самые дорогие драгоценности мистера Джексона.

Затем мы повели всех девятерых в Полицейское управление, а я нёс волшебную шкатулку, которую, будь я тщеславен, непременно заставил бы играть в качестве подходящего сопровождения нашему шествию по Хай-стрит.

Все они предстали перед судом 25 июля 1843 года; Прегер получил четырнадцать лет, а Шилдс — десять. Женщины избежали наказания, признав, что получили драгоценности от Шилдса и Прегера. Помню, что после суда мистер Джексон обратился ко мне приблизительно с такими словами:

— Мистер Маклеви, возвращением своего имущества я

обязан вам. Драгоценности я оставлю себе, но что касается одежды, боюсь, если я стану её носить, то сам могу превратиться в вора; поэтому можете распорядиться ею и взять вырученные деньги в знак моей благодарности. Музыкальную шкатулку я сохраню как полезного тайного осведомителя, чтобы, если мой дом снова обворуют, она получила возможность своей мелодией вернуть мне моё имущество.

БАКЕНБАРДЫ

Можно, пожалуй, предположить, что мы, сыщики, не особенно склонны к грусти. Подозреваю, что это моя личная слабость — склонность размышлять о тщете человеческих желаний; и мне следовало бы быть свободным от этого недостатка, поскольку в моём желании ловить мошенников тщеславия было меньше, чем у большинства других мастеров нашего ремесла. И всё же я не вполне свободен от этой слабости. Нам от природы хочется видеть друзей вокруг себя счастливыми, и в этом желании кроется источник моего небольшого недостатка; ибо, когда я обнаруживаю, что мои изобретательные друзья покинули мой участок и отправились куда-нибудь ещё, я тотчас заключаю, что они счастливы за чужой счёт, а меня нет рядом, чтобы им посочувствовать; и на эту склонность почти не влияет даже моё полное сознание того, что моё сочувствие, скорее, разрушает их счастье.

Приблизительно в апреле 1854 года я на некоторое время потерял из виду хорошо известного Дэна Гиллиса. Ему уже не раз доводилось испытывать моё сочувствие, после чего

он немедленно впадал в уныние; однако каким-то образом всякий раз вновь обретал весёлость — достаточно верный знак того, что он снова нуждался в моём сострадании.

Мне говорили, что он и его верная сердцем Бесс Макдиармид, из добрых побуждений, отправились пастись на репном поле, то есть охотиться за часами, и что некоторое время у меня почти не будет возможности с ним увидеться. Что ж, вот и повод для возвращения моего приступа: разве не был Дэн где-то счастлив, тогда как меня не было рядом, чтобы на это посмотреть? Не скажу, чтобы именно такие мысли занимали меня в тот день, 5 апреля, когда я шёл по Принсес-стрит, ибо в действительности я разыскивал другого джентльмена от природы среди тех, кто, полагая, что у них больше прав прогуливаться по этой знаменитой улице, притворяется, будто презирает людей, которые, как я уже говорил, ближе к естественным правам, нежели они сами; однако, предаваясь своей привычке поглядывать искоса, которую, боюсь, я перенял у моих друзей, упорно старающихся избегать прямого и честного взгляда мне в лицо, я заметил знакомую физиономию под прекрасным блестящим шёлковым цилиндром и над чёрно-белым пёстрым галстуком. Одного взгляда хватило, чтобы убедиться: всё остальное в его одежде находилось в таком совершенном согласии, что всего двумя минутами раньше он вполне мог выйти из клуба, у дверей которого стоят лакеи в плюше и напудренных париках. Это был Дэн. Пастбище, должно быть, оказалось туч-

ным, раз обеспечило ему столь гладкую и бархатистую шубку; а в доказательство того, что он не пренебрёг кормом, от середины его великолепного жилета к карману тянулась жёлтая «шоу». Когда важная особа, презиращая труд, делающий всех нас братьями, встречает кого-нибудь из представителей моего скромного, трудолюбивого сословия, она сворачивает в сторону, даже если ветер дует совсем в другом направлении, чтобы избежать губительного заражения обыкновенной человечностью, и Дэн здесь остался верен своему классу; но поскольку я не отказываюсь от обязанностей природы, равно как и от её прав, я простил оскорбление и свернул в ту же сторону, всё же не осмелившись осквернить своим прикосновением руку человека голубой крови, если не самого Ханикомба.

— Послушай, Дэн, — сказал я, оказавшись перед ним и слегка преградив ему путь, — какую прекрасную пару бакенбард ты отрастил с тех пор, как мы виделись! Должно быть, репу удобряли настоящим перуанским гуано.

— Какого чёрта вам до моих бакенбард?

— Человеку, благодаря которому тебе однажды обрили голову, — ответил я, — конечно, позволительно загладить свою вину, радуясь тому, как пышно растут твои волосы в другом месте.

— Оставьте свои насмешки. Убирайтесь! Я никому ничего не должен.

— Нет, Дэн, зато тебе, как ты знаешь, должен каждый,

если только ты сумеешь заставить его заплатить. Ты разве не знаешь, что сегодня происходит?

— Нет, и знать не хочу.

— Сегодня в Лите торжественно спускают на воду большой корабль.

— К чёрту ваш спуск корабля! — сказал Ханикомб; и, оттолкнув меня в сторону, Дэн горделиво удалился, возмущённый позором, который навлекло на него моё присутствие.

Я не мог удержаться, чтобы не посмотреть ему вслед и не припомнить замечание лорда Честерфилда об островитянинах Южных морей, сидевшем за столом в обществе лордов. Глядя на него со спины, нельзя было заметить никакой разницы между ним и родовитым аристократом. Но аристократы не обращают внимания на столь тонкие различия.

В тот день у меня имелись дела куда более важные, и Дэн со своими бакенбардами совершенно вылетел у меня из головы. Помню, мне предстояло встретиться с французским лакеем, который мог указать мне на приказчика одного лондонского пивовара, разыскать которого было поручено мне. Злоумышленник сбежал от хозяина, прихватив с собой не только плоть, столь пышно откормленную крепким пивом, но и пару тысяч фунтов, которые должен был положить в банк; и даже этим не исчерпывались его хищения, ибо он ухитрился похитить ещё и жену пивовара, которую мой француз описывал как «крупную, сочную маман сорока лет» и весом немногим меньше сорока стоунов по систе-

ме эвердьюпойс. Имея в виду такую добычу, я едва ли мог утруждать себя заботами о Дэне Гиллисе, да и спуск корабля в Лите интересовал меня не больше. Тамошние констебли могли за ним присмотреть, хотя я прекрасно сознавал, что, окажись Дэн среди толпы, карманы людей сделались бы легче без всякого иного рычага, кроме ловких пальцев вора.

Несмотря на блестящие утренние надежды — я даже представлял себе английского приказчика с «сочной маман» под руку, вместе прогуливающих по Принсес-стрит, — по мере того как день шёл к вечеру, мои ожидания рассеялись. К тому же я устал от бесконечной трескотни лакея и, словом, совершенно выбился из сил. Думаю, было около четырёх часов, когда я решил возвращаться через Полицейское управление, где мне следовало сделать кое-какое донесение, прежде чем отправиться домой обедать. Я медленно прошёл по Уэверли-бридж, повернул за угол садов Принсес-стрит и двинулся позади здания Банка Шотландии. В действительности в ту минуту я никого из своих друзей не искал. Я уже вдоволь насмотрелся по сторонам и склонен был дать глазам отдых, устремив их к земле по примеру задумчивых меланхоликов. Пока я так безучастно брёл своей дорогой, меня встревожили быстрые шаги, и едва я успел поднять глаза, как столкнулся с моим утренним молодым Ханикомбом. Сначала я растерялся, и немудрено, ибо передо мной стоял Дэн Гиллис, на лице которого не осталось ни единого волоска. Увидев меня, он тотчас захотел удрать, однако это видение

немедленно побудило меня преградить ему дорогу и ненадолго остановить его.

— Дэн, Дэн, — сказал я с неподдельным удивлением, в котором было не меньше искренности, чем шутки, — куда девались твои бакенбарды, дружище?

В ответ — пылающий взгляд и страшное ругательство, посылающее человека туда, где, можно было бы подумать, и загорелся этот глаз, столь полон он был ярости.

— Да ведь это всего лишь вполне справедливый вопрос, — сказал я, вновь сохраняя спокойствие. — Мне даже хотелось бы узнать человека, способного сделать такую чистую работу.

— Какое вам дело до моего цирюльника?

— Ну вот, теперь ты становишься рассудительным, — сказал я; — на твой вопрос легко ответить: мне, быть может, захочется попросить его, скажем, в воскресное утро, сделать со мной то же, что он сделал с тобой.

Снова посланный в одно небезызвестное место из четырёх букв ругательством, которое, должно быть, выковала там какая-нибудь корчащаяся душа, я уже не мог его задержать, ибо Дэн Гиллис рванулся мимо меня и бросился в сторону Флешмаркет-Клоуз, куда, как я видел, и свернул.

Его ругательства всё ещё звучали у меня в ушах. Я часто задумывался об удивительной способности выросших воспитанников улицы сквернословить; они начинают рано, если только не принимаются бросать вызов Богу ещё прежде,

чем научатся как следует выговаривать слова, и вы услышите, как их проклятия звенят вместе с медяками, которыми они расплачиваются, играя в подбрасывание монет. Их маленькое мужское достоинство едва успевает облечься в грубую холстину, а они уже считали бы себя простаками, если бы не утверждали своей независимости, бросая вызов и людям, и Небесам. Вы можете сказать, что они не понимают выражений, которыми пользуются. Возможно, немногие любители ругаться их понимают; но у этих сорванцов клятвы и проклятия подобны искрам, высекаемым из стали их душ, и нет среди них ни одного, кто не был бы готов жестокостью доказать, что его страшные слова выражают подлинные чувства. Это может показаться с моей стороны причудой, но я нередко думал, что если бы эта твёрдость характера — ибо она действительно составляет особое душевное устройство — была направлена и воспитана образованием и религией на пути долга, она развилась бы в энергию, способную совершать великие и добрые дела. Человек вроде меня не имеет голоса в Тайном совете; однако литература, как я слышал, есть огромная галерея шёпота, посредством которой самые скромные умы могут сообщаться с самыми высокопоставленными. Пусть над моим шёпотом смеются, как смеются и скалятся над всяким словом о надеждах, которые ещё можно возлагать на наших отверженных обитателей переулков; но опыт научил меня, что, хотя величайшие пороки возникают из отбросов общества, из «конгломератов», как они названы

в книге, столь хорошо их описывающей, «Касты Эдинбурга», величайшие добродетели порой возникают из того же источника. Сколько порока они вынуждены сохранять и сколько добродетели принуждены терять — вот один из тех шёпотов, которым следовало бы достичь слуха великих мира сего.

Когда Дэн покинул меня, я вовсе не предавался столь возвышенным размышлениям. Нет, сказать по правде, я посмеивался втихомолку; во-первых, потому, что сыщик — не методистский проповедник; во-вторых, потому, что имею право повеселиться не меньше других; и, в-третьих, потому, что пришёл к заключению, что у Дэна Гиллиса была какая-то причина сбрить бакенбарды и что причина эта должна меня заинтересовать. Словом, я не сомневался, что Дэн и его «жена» побывали на спуске корабля.

Войдя в Управление, я, полагаю, всё ещё улыбался, утешаясь своей шуткой после бесплодной охоты на пивоварского приказчика и весёлую маман, и первое, что я узнал там, состояло в том, что у одной дамы в Лите украли кошелёк и что там уже задержали молодую девушку как сообщницу щеголеватого карманника, которому удалось скрыться.

— Я так и думал, — сказал я, вновь рассмеявшись; — я знаю этого человека.

И я действительно имел основания так сказать, ибо теперь мне открылась тайна сбритых бакенбард.

— Что вы хотите сказать? — спросил лейтенант.

— Только то, что, если вам нужен этот человек, я приве-

ду его к вам. Чем объясняется моя уверенность, расскажу в другой раз.

— Разумеется, он нам нужен, — довольно резко ответил мой начальник.

— Тогда я его доставлю, — сказал я.

И я направился прямо в Браунс-Клоуз, где, как мне было известно, товарищество Гиллиса и Макдиармид прежде вело свои дела — как домашние, так и торговые. Домашние! Какое странное слово в применении к этим созданиям, слово, обладающее волшебной силой вызывать почти все представления, заключённые во всём круге человеческого счастья! Да, я говорю «домашние»; счастье — вещь, к которой можно приспособиться. Эти существа выходят поутру, полные весенних надежд, и, пробираясь сквозь опасности поистине удивительные, увёртываясь от наброшенной петли, едва не задевающей их плеч, и тысячу раз сворачивая и петляя, чтобы ускользнуть от правосудия, к вечеру вновь встречаются, чтобы насладиться счастьем домашнего очага. Жарящийся бифштекс издаёт привычное шипение, раздаётся хлопок выдернутой пробки, и они рассказывают друг другу о своих спасениях на волосок от гибели, опасностях и победах. Они смеются, засыпают, но их наслаждение заканчивается с моим стуком в дверь. Оставшийся один обитатель удивляется отсутствию женщины, без которой слово «домашний» становится чем-то вроде насмешки. Бесплезно отрицать, что у него есть привязанности; они есть у него и у неё, как есть

они у тигра и тигрицы. Они не жалуются, подобно другим людям, потому что не лают и не рычат на Провидение; однако железный винт сжимает сердце. Я читал о его мучениях в самом подавлении их внешнего выражения.

Я действовал так быстро, что вошёл к своему человеку как раз в тот момент, когда он сам вернулся, несомненно, после осторожных обходных манёвров, следовавших за нашей прежней встречей. Приветствием мне послужило рычание гнева, кипевшего в Папеновом котле его сердца.

— По какому праву вы травите меня таким образом? — закричал он, сжав кулак и затем заскрежетав зубами.

— Да ведь, Дэн, — спокойно сказал я, — мне всё ещё любопытно узнать насчёт бакенбард.

— Опять бакенбарды! — взревел он.

— Да, именно бакенбарды, — сказал я. — Я уже говорил тебе, что они меня занимают, и хочу узнать, отчего ты растался с тем, чем, казалось, так гордился.

— Насмехайтесь сколько угодно; ничего вы от меня не добьётесь, — снова закричал он. — Я вам не уступлю.

— Ну, так просто отступить от бакенбард я всё-таки не могу, — сказал я, — потому что мне почему-то кажется, что, не лишись та дама в Лите своего кошелька, твои бакенбарды по-прежнему украшали бы тебе щёки.

И краска тотчас сбежала с этих щёк. Даже для самых закоренелых преступников прикосновение установленного факта подобно действию винта, затягиваемого на сердце. Только

мы умеем наблюдать перемены в выражениях их лиц. Словом, Дэн понял, что попался; и я уже замечал прежде, что настоящие воры умеют проходить через процедуру разоблачения с известной правильностью.

— Что ж, — сказал он, почувствовав затягивающуюся петлю, и даже с какой-то мрачной улыбкой, — с таким же успехом я мог бы оставить волосы на месте.

— Не беда, — сказал я, — в тюрьме они успеют отрасти. Пойдём. Наручники?

— О нет, думаю, в них нет нужды. Такие вещи, знаете ли, только для непрофессионалов. Но вы полагаете, что тюрьма исправит Дэниела Гиллиса?

— Нет, — сказал я, — не думаю.

— Тогда зачем вы собираетесь отправить меня туда?

— Да потому, — ответил я, испытывая нечто похожее на сострадание к человеку, который, как я знал, принадлежал к числу приученных к пороку ещё до того, как перед ними открылась возможность выбирать между добром и злом, — что это моё ремесло.

И, как ни странно это покажется, я заметил, как в его покрасневшем глазу выступила слеза.

— Ваше ремесло, — сказал он, вытирая лицо обшлагом сюртука, — ваше ремесло; а разве у вас больше права заниматься им, чем у меня — моим? Ведь вы не выучились своему ремеслу от отца с матерью, не так ли?

— Нет, Дэн, но я знаю, что ты своему выучился именно

от них.

— Да, и тем хуже для меня, — ответил он, уже разразившись почти истерическими рыданиями. — Я об этом думал. Даже когда в последний раз сидел в Калтоне, я не мог спать. Что-то внутри говорило мне, что со мной поступили несправедливо, но не Бог — люди. Меня учили изверги, наживавшиеся на том, чему меня учили, и всю мою жизнь меня преследовали изверги. Когда мне хоть раз преподали добрый урок или сказали ласковое слово, если не считать проповедника в тюрьме, державшего в руке Библию? Предположим, я послушался бы его, а выйдя на свободу, взял бы эту книгу в руки, вышел на Хай-стрит и закричал: «Научите меня ремеслу, дайте мне работу и платите жалованье». Кто стал бы меня слушать? Несколько пенсов от одного, слово «лицемер» от другого, а затем мне осталось бы вновь прибегнуть к прежним уловкам или умереть с голоду. Арестуйте меня, но наказанием вы меня никогда не исправите.

Я всегда знал, что Дэн человек смышлённый, но к такому излиянию чувств не был готов. И всё же в душе я знал, что он говорил правду.

— Что ж, — сказал я, — Дэн, мне тебя жаль. Я часто думал, что если бы тот старый негодяй Дэвид и та старая Иезавель Мэг, твои родители, не развратили тебя, у тебя хватило бы и сердца, и ума, чтобы стать хорошим парнем.

— Да, и это не раз разрывало мне сердце, — ответил он, — когда я видел, как другие, родившиеся по соседству со

мной, хотя бы и всего лишь в Блэкфрайерс-Уинд, живут порядочно и счастливо, а я по случайности рождения стал преступником и несчастным; но теперь всё это ни к чему. А где Бесс, бедняжка?

— Она в тюрьме Лита.

— Верно, — воскликнул он, снова заливаясь слезами. — Это я её туда привёл. В детстве мы вместе играли, и я повёл её по той дороге, на которую прежде направили меня. Она могла бы быть ничуть не хуже самых лучших из них.

И бедняга, бросившись на стул, горько заплакал.

Мне доводилось видеть не одну подобную сцену. Они приносили мне только боль и редко бывали хоть сколько-нибудь полезны самим несчастным. Даже если бы тысячу подобных случаев представили Тайному совету, я сомневаюсь, чтобы его непреклонность в вопросе о предоставлении средств школам для оборванных детей и ремесленным школам изменилась хотя бы в малейшей степени.

Думаю, больше почти ничего не произошло. Мне надлежало исполнить свой долг, и Дэн не сопротивлялся. В тот же вечер его отправили в Лит. Впоследствии он предстал перед судом. Дама и знавший его мальчик опознали его, и его приговорили к двенадцати месяцам заключения. Бесс освободили с вердиктом «вина не доказана». Я потерял их обоих из виду, однако не питаю надежды, что обнаружение преступления благодаря бакенбардам исправило кого-либо из них. Волосы снова отрастут не с большей естественностью, чем

вновь пойдут в рост старые корни зла, посаженные теми, кому следовало бы привить к стволу природы лучшие побеги.

БЕЛЫЙ ГРОБ

Если «конгломераты» нашего Старого города терпят множество бедствий вследствие своих лишений и пороков, то несомненно, что весь этот убогий театр, где они разыгрывают свои странные роли, служит местом действия большего числа происшествий, нередко забавных и даже романтических — если только в жизни низов возможна романтика, — нежели можно встретить в спокойных гостиных высших слоёв Нового города. Это замечание, впрочем, почти настолько избито, что мне едва ли нужно говорить о том, что в первом случае перед нами природа, скрытая под искусством притворства и порабощённая приличиями, а во втором — сама старая мать-природа, свободная, свежая и резвая, с её подлинными характерами, стремительными движениями, сокровенными мыслями, переплетающимися интригами, порывами страстей, смешным и серьёзным, комедией и мелодрамой повести о жизни — повести порою и дурацкой, если угодно, даже в степенных рядах самых высокопоставленных людей.

В феврале 1837 года, когда я вместе со своим верным Малхолландом прогуливался по знакомым нам притонам Старого города, мы заметили наших старых приятелей Эндрю Айрленда, Джона Темплтона и Дэвида Топпена, сворачивавших за угол одного из проходов, ведущих к Полз-Уо-

рк. Эти трудолюбивые господа никогда не сидят без дела; поскольку инструменты они носят с собой, работать они могут где угодно; и, подобно писателям, этой разновидности бродяг, живущих своим умом и обкрадывающих друг друга, им не требуется никакого запаса товаров для торговли. Мне было ясно, что нас не заметили, и, направившись по другому проходу, я рассчитывал встретить их, вероятно, возле места предстоящей работы. Могу заметить, что двигаться побыстрее меня заставляло отчасти воспоминание о том, сколько хлопот доставил мне Айрленд, — тем более что его прозвали «Верхолазом», ибо во всём городе не было никого искуснее его в лазании по таким местам, от которых содрогнулись бы даже кошки, и в течение некоторого времени он отказывался предоставить мне даже собственное тело в залог. Мы спустились по проходу, завернули за угол и как раз вовремя увидели, как полы сюртука Эндрю исчезли за вершиной довольно высокой стены. Двое остальных последовали примеру Верхолаза, и, когда они скрылись, мы расположились возле стены, чтобы встретить их при спуске. Кудахтанье домашней птицы вскоре открыло нам характер их занятия, а булькающий хрип удушаемых куриных глоток ясно указывал, что грабители придерживались старого правила: «Мёртвые не рассказывают историй».

— На этот раз Верхолаз наш, — сказал я помощнику. — Я схвачу Эндрю и Темплтона, а ты берись за Топпена.

Едва эти слова слетели с моих губ, как мы с благодарно-

стью приняли наших друзей в свои объятия. Мёртвых кур побросали, а я, ухватив двух своих подопечных за горло, тотчас ими овладел. Малхолланд упустил своего человека, но я был настолько доволен добычей, особенно Эндрю, что не мог удержаться от нескольких слов в моём обычном духе.

— Я боялся, как бы ты не свалился и не сломал себе шею, Эндрю, — сказал я.

— Благодарю за столь горячий приём, — ответил невозмутимый мошенник, переводя дух после короткой схватки.

— Не стоит извинений, — сказал я. — Я сотню раз давал тебе понять взглядами, что хочу с тобой встретиться.

— И всё-таки продался за курицу, — прибавил он, выругавшись.

— Да ещё и съесть её не позволили, — сказал я. — Какой славный ужин был бы у тебя со старухой!

По меньшей мере его ругательство заслуживало такой насмешки.

— Подбери кур, Малхолланд, — сказал я, — и пойдём; на Хай-стрит будет над чем посмеяться.

И, ведя по человеку в каждой руке, пока не добрался до начала прохода, я передал одного констеблю, а другого оставил при себе. Малхолланд с курами замыкал шествие, и, полагаю, мы представляли собой весьма занятное зрелище, если судить по крикам мальчишек, которых забавляла эта ходячая история, столь ясно объяснявшая сама себя, ибо добыча нечасто появляется в подобных процессиях.

По прибытии в Управление моих арестантов заперли. Топпена поймали в тот же вечер; и поскольку эта часть моей истории превращения на том пока завершается, скажу лишь, что похитители кур вскоре предстали перед шерифом и при-сяжными. Каждый получил цену своей курицы, притом по расценке даже более высокой, чем нынешняя цена породистого петушка: Айрленду досталось девять месяцев, Темплтону — шесть, а Топпену — четыре. Но Верхолаз оправдал свою громкую славу таким образом, что заслужил ещё большую известность. Не могу сказать, то ли тюремщик не был предупреждён о его способностях, то ли его поместили в камеру, из которой, как полагали, не могло выбраться ни одно существо, не имевшее когтей на всех четырёх конечностях; но достоверно то, что, к величайшему изумлению всех, кто имел отношение к тюрьме, Эндрю Айрленд выбрался через потолочное окно и, пробравшись по гребням крыш и крутым спускам, которые могли бы остановить даже охотника за орлами с Оркнейских островов, спустился с северной стороны Канонгейта и благополучно скрылся.

Итак, мой проворный приятель снова меня провёл, моя гордость была задета, и я непременно должен был схватить его любыми средствами. Я знал, что он принадлежит к числу тех заколдованных существ, которым любовь к Старому городу не позволяет покинуть его. Для них он обладает таким очарованием, что они держатся за него во что бы то ни стало, даже когда день за днём и ночь за ночью их гонят по уз-

ким проходам и переулкам, словно диких зверей, и им, можно сказать, негде преклонить голову. Мне случалось видеть, как они спят на крышах домов и в щелях старых зданий, полуголодные и полуодетые, в любую погоду, летом и зимой, лишь бы не искать покоя вдали от мест своего буйного детства. И всё это они делают при почти полной уверенности, что в конце концов будут схвачены. Поэтому я был убеждён, что Эндрю находится где-нибудь в городе; и даже когда по прошествии нескольких месяцев мне не удавалось отыскать ни малейшего его следа, я продолжал верить, что он скрывается.

Этому убеждению предстояло получить подтверждение, столь же мрачное, сколь и причудливое. Однажды я стоял у верхнего конца Лит-Уинд. Несколько человек смотрели на медленно двигавшуюся похоронную процессию какого-то бедняка: гроб несли оборванные ирландцы, ещё несколько человек шли позади. Пока я наблюдал за этим печальным зрелищем — более торжественным и волнующим для здравомыслящих людей, чем украшенное перьями шествие, выходящее из особняка с перевёрнутым гербовым щитом и направляющееся к склепу, где с заботой о священных реликвиях хранят останки гордых предков, — ко мне подошла бедная женщина, по-видимому шедшая среди скорбящих.

— Ну что, теперь видите дело своих рук? — сказала она с настоящим ирландским выговором. — Знаете, кто лежит вон в том белом гробу, с клочком чёрной ткани поверх него?

— Нет, — ответил я.

— И не знаете, какого дорогого мне человека вы уморили за то, что он украл курицу на Полз-Уорк?

— Не хотите ли вы сказать, — ответил я, — что это похороны вашего сына, миссис Айрленд?

— Да, клянусь душой, именно это я и говорю, и убили его вы. С тех пор он так и не поднял головы, только чах и увядал, словно создание с разбитым сердцем, каким он и был; а теперь вон его несут к могиле так быстро, как только могут мальчишки.

— Что ж, — сказал я, — мне очень жаль.

— Ни черта вам не жаль, негодяй вы этакий! Всё это при творство да пустая болтовня, а вдобавок позор вам несмы-
аемый.

— Успокойся, Джанет, — сказал я; — возможно, теперь он счастливее, чем был здесь, когда воровал и пил. В канон-гейтских могилах нет потолочных окон, и он уже не вылезет оттуда, чтобы снова творить зло.

— Потолочных окон! — воскликнула Джанет; — есть, ещё как есть, и Эндрю Айрленд выберется наружу и попадёт на небеса, а вы, вы, гадина этакая, будете в аду ломать дрова для огня, на котором станут поджаривать их милостей судей, приговоривших моего невинного голубчика.

— Тише, Джанет.

— Ну так для того, чтобы поджаривать вас самого; теперь довольны?

— Да, да, — сказал я.

И, опасаясь, как бы чувства женщины, распалённые горем, не вылились в громкий вой, я отошёл, а она, бормоча гневные слова, отправилась вслед за белым гробом. Не могу сказать, чтобы по дороге в Управление я чувствовал себя совершенно спокойно, ибо есть нечто поистине трогательное в дикой, беспокойной и вместе с тем жалкой жизни этих арабов эдинбургских уиндов, когда смерть подводит ей итог. Более того, едва ли можно не задуматься, что они, быть может, не властны над своими поступками и что, если это так, они вправе рассчитывать на наше сострадание как жертвы. По правде говоря, я начинал становиться сентиментальным и, кажется, даже немного рассуждал сам с собой о других верхолазах, чьи ноги опираются на спины таких бедняков и которые посредством приёмов не столь уж отличных взбираются на высокие места, откуда присоединяются к модным возгласам о человеколюбии, — да, о человеколюбии, помогающем дьяволу тем, что позволяет ему оглушать тех, кому собирается принести пользу.

Однако полицейское управление быстро избавляет человека от мягкосердечия. Едва я вошёл, как получил известие об ограблении, совершённом накануне ночью в мастерской господ Робба и Уиттенса, серебряных дел мастеров на Тисл-стрит. Отправившись на место, я выяснил, что грабитель унёс некоторое количество серебряных изделий, щипцы для сахара, ложки и другие ценные вещи; среди проче-

го — несколько серебряных винтов. Я особо упоминаю их, поскольку они послужили моей цели совершенно иным способом, нежели тот, для которого первоначально предназначались. Но относительно того, как было совершено ограбление, я не сумел получить никаких удовлетворительных сведений, кроме того, что подозрение пало на двух трубочистов, проходивших мимо утром и нанятых прочистить дымоходы мастерской; разочарование моё лишь усилилось, когда оказалось, что никто из людей, имевших отношение к мастерской, совершенно не знал этих трубочистов. Они даже не могли сказать, пришли ли те из Нового города или из Старого. Что же касается опознания, то, даже если бы я оказался настолько похожим на ангела, что сумел привести к ним столь неузнаваемое создание, кто когда-нибудь слышал об отличительных чертах трубочиста, если только у него нет горба на спине или не хватает носа на лице! Даже я, умевший распознавать людей сквозь всяческие переодевания, нередко ошибаюсь в отношении трубочистов, пока почти не соприкоснусь с ними носами, — а при подобном способе я увидел бы, чёрт побери, гораздо больше, чем мне хотелось.

Несмотря на все эти трудности, я не вполне отчаялся, поскольку по меньшей мере довольно твёрдо уверился, что дело действительно совершили господа в чёрном. Поэтому всюду, где следовало избавлять помещение от дыма и чистить дымоходы, я считал своим долгом заглядывать и пытаться найти не черты лиц моих людей, а какой-нибудь след

щипцов и винтов; ведь во многих случаях, когда у меня было право производить обыск, я прикуривал трубку от огня, свет которого показывал мне именно то, что я искал. Но всё было напрасно; не больше везения выпало мне и у скупщиков и в ломбардах. Более того, как бы я ни выворачивал до последнего оборота винт своей изобретательности, найти след похищенных серебряных винтов мне не удавалось. Дело не шло на лад, как говорят любители жаргонных выражений; и, если бы я не родился человеком, которому никогда не суждено узнать смысл слов «Сдаюсь», я отказался бы от преследования людей, живущих за пределами привычных границ общества.

И всё же эти бесплодные поиски принесли некоторый результат. Во мне пробудилось любопытство к трубочистам, и всякий раз, заведя одного из них, я испытывал желание узнать о нём что-нибудь. Прежде они меня почти не занимали; ибо, отдавая им справедливость, следует сказать, что, хотя им открыты способы проникать в дома, редко доступные другим людям и приходящие на ум разве что пылким влюблённым, они редко заслуживают моего внимания. Они не питают склонности к тюремным процедурам отбеливания. Но в то же время, поскольку чистота ближе всего к благочестию, их редко можно увидеть в церкви: благодать не окупила бы мыла.

Всё ещё сохраняя эту привязанность к их племени, однажды, спустя довольно значительное время после ограбления,

я шёл по Плезанс по делу, связанному с домом под названием «Замок лохмотьев», где рассчитывал найти кое-какие остатки, оставленные вовсе не строителем этого знаменитого сооружения. Я не искал трубочистов, однако трубка моя ещё не погасла. Я выпустил несколько клубов дыма, когда, обернувшись, увидел двух моих чёрных джентльменов, стоявших у стены спиной к ней и лениво покуривавших. «Ага, вот они, сияющие создания моего воображения, — подумал я, — да, те воздушные существа, которые уже несколько месяцев парили надо мною в сновидениях, хотя и совершенно без крыльев». Первым делом я погасил ту самую трубку, а затем принялся наблюдать за их движениями. Они были поглощены разговором друг с другом; но больше всего заинтересовало меня любопытство, с каким они рассматривали какие-то предметы, которые один показывал другому, — более того, в этих вещах мне почудился серебристый блеск, тем заметнее, что он так резко отличался от державших их рук.

Итак, моя трубка, которую я только что погасил, снова нуждалась в огоньке, а эти истребители дыма могли, оказывается, произвести и то, что по своей профессии должны были изгонять. Через мгновение я уже стоял перед ними.

— Ну что, ребята, — сказал я, — не дадите прикурить?

Один из них, встретившись со мной взглядом, немного отпрянул. По-видимому, он меня узнал, хотя я чистосердечно признаюсь, что его не узнал.

— Конечно, — сказал другой.

И, чиркнув спичкой о стену, он подал мне огонь, после чего я принялся пускать дым; а поскольку курение — занятие общественное, я почувствовал, что меня непреодолимо тянет к приятелю, который при моём появлении показался таким застенчивым.

— Не знаешь ли ты, где находится «Замок лохмотьев»? — спросил я, снова и снова вглядываясь в тёмное лицо человека, старавшегося избегать моего взгляда.

Но я по-прежнему не мог его определить. Черты его казались мне знакомыми, однако сажа всё ещё стояла между мною и опознанием. Наконец я нашёл нужную нить.

— Эндрю Айрленд, — сказал я, — когда это ты выбрался с канонгейтского кладбища? Неужели в крышке гроба было потолочное окно?

— Меня зовут Эндрю Стюарт, — ответил чёрный призрак.

— А когда же ты сделался трубочистом, Эндрю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.